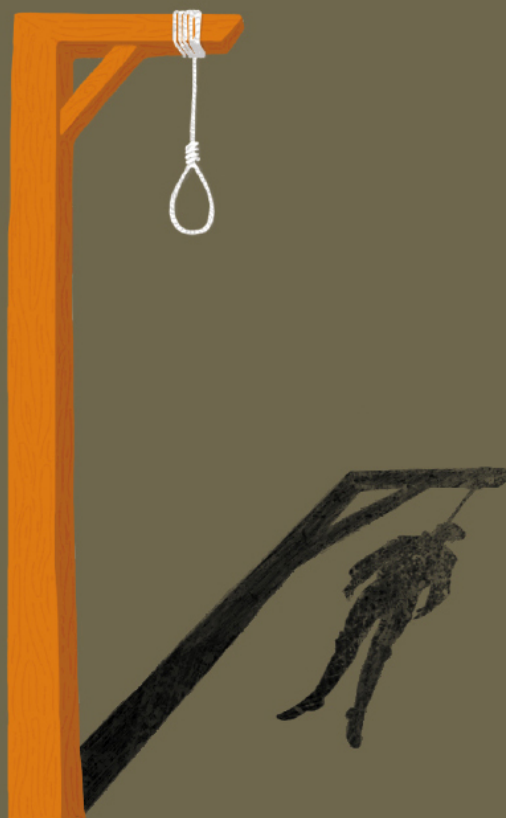

Джон Фаулз

КУКОЛКА

18+

На берегах фантазии. Проза Джона Фаулза

Джон Фаулз

Куколка

«ЭКСМО»

1985

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Фаулз Д. Р.

Куколка / Д. Р. Фаулз — «Эксмо», 1985 — (На берегах фантазии. Проза Джона Фаулза)

ISBN 978-5-699-95210-6

В наследии современного классика Джона Фаулза — возможно, величайшего британского писателя XX века — роман «Куколка» занимает особое место. По сути это его творческое завещание. В свое последнее крупное произведение автор всемирно известных бестселлеров «Коллекционер», «Волхв», «Любовница французского лейтенанта», «Дэниел Мартин» и «Башня из черного дерева» вложил весь накопленный интеллектуальный и духовный багаж, все отточенное десятилетиями мастерство. Роман публикуется в новом переводе. Более того — он впервые выходит по-русски полностью: переведены и вплетены в романную ткань фрагменты хроникальной секции лондонского ежемесячника «Джентльменз мэгэзин», которые не только складываются в живописную панораму эпохи, но и содержат ключ к возможной разгадке происходящего. А происходящее в романе — таинственно донельзя. Кем был «мистер Бартоломью» и какую цель преследовал он майским днем 1736 года в глухом уголке Западной Англии? Куда он пропал, и кем на самом деле были его спутники? Пейзажи старой Англии, детективный сюжет с элементами мистики, хитроумные интриги и таинственные происшествия служат Фаулзу великолепным фоном для глубокого психологического исследования, в котором он раскрывает темы, столь характерные для его творчества: относительность познания и истины, границы человеческой свободы, исторические корни современной цивилизации.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-95210-6

© Фаулз Д. Р., 1985

© Эксмо, 1985

Содержание

Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джон Фаулз

Куколка

© Сафронов А., перевод на русский язык, 2011

© Серебряная О., перевод на русский язык, 2011

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Личинка, черва, куколка – зародыш крылатого существа, а еще – нового творения (по крайней мере, такую надежду лелеет всякий автор). Но в английском есть иное, полузабытое значение этого слова: причуда, блажь, фантазия. В конце семнадцатого и начале восемнадцатого века иногда так обозначали мелодии, не имевшие точного определения: «Фантазия мистера Бевериджа», «Фантазия милорда Байрона», «Фантазия Карпентеров» и так далее. Моя литературная фантазия родилась по той же причине, что и ее старинные музыкальные тезки – навязчивая тема. Задолго да того, как я взялся за перо, в моем воображении беспричинно возникла картинка: маленькая кавалькада безликих путников, явно из давних времен. Но кроме этого весьма незатейливого образа – всадники в пустынной местности, – больше ничего не было. Не знаю, откуда он взялся и почему назойливо меня преследовал. Всадники никуда не стремились, но просто ехали себе вдоль линии горизонта; в голове моей видение беспрестанно прокручивалось, точно закольцованная киноплёнка или стихотворная строка, хвостик забытой легенды.

Но потом один из путников обрел лицо. По случаю я купил портрет девушки, выполненный карандашом и акварелью. Имя художника не значилось, лишь в уголке стояла пометка тушью (вроде бы по-итальянски): «16 июля 1683». Сперва этакая точность впечатлила не больше самого непримечательного портрета, но потом что-то в лице давно сгинувшей девушки – необъяснимая живость взгляда, неприятие тлена – меня проняло. Возможно, именно сопротивление смерти связало эту реальную женщину с другой – той, что жила гораздо позже и к кому я проникся глубокой симпатией.

Мой вымысел ни в коей мере не являет собой жизнеописание той другой женщины, хотя заканчивается ее рождением, по времени почти совпадающим с ее реальным появлением на свет. Я дал новорожденной ее подлинное имя, но не считаю свое произведение историческим романом. Это куколка.

Джон Фаулз, 1985

На закате последнего дня давнего апреля одинокая вереница путников пересекает плоскогорье в дальнем уголке Юго-Западной Англии. Всадники шагом едут по тропе в вересковых зарослях. Пейзаж уныл, на здешней высоте весна еще не чувствуется; впечатлению гнетущего однообразия способствуют серое небо, наглухо затянутое облаками, неизбежная усталость от дороги и погода. Торфяная тропа бежит через пустошь в иссохшем вереске; ниже, в обрывистой долине, темная стена деревьев с набухшими, но еще не лопнувшими почками. Все, что дальше, окутано дымкой и блекло, как одежда путников. Ни ветерка, вокруг все хмуро и будто затаилось. Лишь на самом западе тонкая полоска желтого света вселяет надежду, что днями распогодится.

Череду безмолвных всадников возглавляет мужчина лет под тридцать; он в темно-коричневом рединготе, сапогах и треуголке, загнутые поля которой обшиты скромной серебристой тесьмой. Брюхо гнедой лошади и полы редингота забрызганы грязью, словно перед тем путь этого человека и его спутников пролегал через топь. Бросив повод, он чуть ссутулился и невидяще смотрит перед собой. На невысокой упитанной лошадке за ним следует мужчина в годах, одетый в темно-серый редингот и простую черную шляпу. Он тоже не смотрит по сторонам, но читает книжицу, которую держит в свободной руке, доверив мирному одру самому выбирать дорогу. Следом ступает конь-крепыш, который несет двоих: одетый в блузу с широкими рукавами, тяжелый драгетовый камзол и кожаные штаны, простоволосый мужчина, чьи длинные пряди собраны в хвост, поддерживает молодую женщину, что амазонкой сидит перед ним, уронив голову на его грудь. Из-под капюшона бурой накидки видны лишь ее глаза и носик. Замыкает процессию выючная лошадь под багажной рамой: к одному боку коняги приторочен

внушительный кожаный баул, к другому – деревянный, в углах окованный медью сундучок, а на спине ее громоздятся узлы и дорожные мешки, прикрытые веревочной сеткой. Обремененная поклажей скотина понуро бредет в поводу, задавая темп всей кавалькаде.

Путники безмолвны, однако их приметили. За долиной, круто уходящей к скалам и невысоким утесам, стоит хриплый зловещий гвалт недовольных вторжением в их владения. Кричит встревоженное воронье. В те времена ворон еще не превратился в нынешнего редкого одиночку; обширные колонии этих птиц обитали в уединенных предместьях и даже во многих городах. До черных крапин, беспокойно кружащих в небе, не меньше мили, но их враждебная сторожка несет в себе дурное предзнаменование. Во многом столь разные, все путники знакомы с репутацией птиц, а потому втайне страшатся их гортанных криков.

Можно подумать, два первых конника и тот, что с женщиной, по виду скромный ремесленник, встретились случайно и держатся вместе лишь оттого, что так безопаснее в здешних пустынных местах. Причиной их решения не одни вороны, о чем свидетельствует экипировка головного всадника. Из-под полы его редингота выглядывает кончик шпажных ножен, а другая пола эдак топорщится, делая вполне законной догадку о пистоле в седельной кобуре. У ремесленника тоже наготове пистоль с латунной рукояткой, а из багажной сетки на спине унылой выючной лошади торчит длиннотвольный мушкет. Лишь второй всадник, что постарше, безоружен. Исключительная редкость для тех времен. Но если путники встретились случайно, джентльмены непременно вступили бы в беседу и ехали рядом, что позволяет ширина тропы. Однако оба не проронили ни слова, как и пара, следующая за ними. Похоже, каждый углублен в себя.

Но вот тропа наискось сбегает к леску в долине. Примерно через милю деревья уступают место лугам другой долины, затянутой печным дымком из еле видной горстки домов, над которыми высится статная колокольня. На западе невидимые прорехи в облаках чуть наливаются янтарным светом. Иные путники радостно вздохнули бы и обменялись репликами, но в наших сия метаморфоза не находит отклика.

Нежданно-негаданно из леска появляется еще один конник – кряжистый мужчина неопределенных лет и в густых усах. Одевание его весьма живописно: выгоревшая алая тужурка и некое подобие драгунского кивера. Притороченные к седлу длинная сабля и мушкетон с массивным прикладом, а также воинственная манера, в какой он прищпоривает коня навстречу приближающейся кавалькаде, словно желая преградить ей путь, говорят о его привычке к риску. Однако путники не выказывают ни тревоги, ни волнения. Лишь всадник, читающий книжку, спокойно ее закрывает и прячет в карман редингота. Натянув повод, усач осаживает коня ярдах в десяти от джентльмена, возглавляющего процессию, и, коснувшись кивера, пристраивается с ним рядом. Он что-то говорит, вожак, не поднимая глаз, кивает. Усач вновь козыряет и, отъехав в сторону, поджидает верховую пару. Та притормаживает, и он, перегнувшись с седла, отвязывает повод выючной лошади. Даже сейчас не сказано ни единого дружеского слова. Усач занимает место в арьергарде – теперь он ведет выючную бедолагу; вскоре все так, словно он всегда был безмолвным членом сей бесстрастной компании.

Процессия въезжает в голый лесок. Тропа, которая зимой служит временным руслом потоку, рожденному дождями, становится круче и жестче. Все чаще подковы звонко цокают о камень. Вот путники достигают лощины, где через нагроможденные валунов, торчащих из земли, нелегко перебраться даже пешему. Вожак будто не замечает камней, но конь его мешкает, а затем опасно выбирает меж ними дорогу. Задние ноги его скользят, вот-вот он рухнет, придавив седока. Каким-то чудом лошади и наезднику удастся сохранить равновесие. Конь ступает медленнее, вновь оскальчивается, всхрапывает и неистовым усилием выбирается из каменной ловушки, испустив тихое ржание. Всадник устремляется вперед, даже не взглянув, как другие преодолеют препятствие.

Его старший товарищ оглядывается на ремесленника, который жестом предлагает спешиться и провести коней в поводу. Усач в алой тужурке, недавно здесь проезжавший, уже на земле и привязывает вьючную лошадь к торчащему корню. Пожилой спешивается. Освободив ногу из правого стремени, мастеровой одним махом перебрасывает ее через спину лошади и ловко соскакивает наземь. Женщина соскальзывает в его протянутые руки и тоже благополучно приземляется.

С лошадкой в поводу пожилой опасно входит в лошину, за ним следуют простоволосый в камзоле и его жеребец. Третьей – женщина, чуть вздернувшая подол, чтобы видеть дорогу; замыкает шествие усач в линялой тужурке. Одолев лошину, он передает повод своего коня ремесленнику и, пыхтя, возвращается за вьючной лошастью. Пожилой неловко забирается в седло и продолжает путь. Женщина откидывает капюшон и распускает белую холстину, прикрывающую нижнюю часть ее лица. Теперь видно, что она очень юна, совсем еще девица: бледное личико, темные волосы зачесаны назад и скрыты плоской соломенной шляпкой «молочница», которая поверху туго перехвачена голубой лентой, завязанной под подбородком, и оттого смахивает на капор. В этаких плетеных шляпках щеголяют многие английские простолюдины. Из-под накидки выглядывает белая оборка фартука. Стало быть, прислуга.

Ослабив шнурок накидки и ленту, девушка проходит чуть вперед и наклоняется к обочине, где еще не отцвели душистые фиалки. Спутник ее следит за тем, как она, осторожно отводя сердцевидные лепестки, под которыми прячутся темно-лиловые цветки, собирает букетик, и вид его выражает полнейшее недоумение.

Не поймешь, что скрыто за безучастностью мастерового: мужицкая невежественность, тупая покорность судьбе, роднящая его с лошадьми, которых он держит под уздцы, или нечто иное – глубокое отвращение к красоте, нездоровая подозрительность к тому, что хорошенькая бабенка тратит время на ерунду. В то же время черты его удивительно правильны и соразмерны, что вкупе с ладным крепким телом придает этому человеку, определенно подлого сословия, нелепое сходство с классической статуей. Пожалуй, сравнение с греческим Аполлоном не годится, ибо самое удивительное в лице ремесленника – его глаза – прозрачно-голубые, точно у слепца, хотя он явно зрячий. Они не выдают никаких чувств, словно их обладатель витает в иных сферах. Взгляд окуляров, но никак не человеческих глаз.

Девушка вдыхает аромат пурпурных цветков в оранжевых и серебристых прожилках, затем подходит к своему спутнику и важно протягивает ему букетик – мол, понюхай. На миг их взгляды встречаются. Темно-карие, чуть шальные глаза девушки искрятся озорством, но она не улыбается, суя цветки под нос ремесленнику. Коротко нюхнув, тот нетерпеливо кивает и с прежней лихостью взлетает в седло, не выпуская повод второй лошади. Еще секунду девушка его разглядывает, а затем вновь укутывает рот и подбородок белой холстиной, за край которой вытывает букетик, устроив его возле самого носа.

Возвращается усач в военной тужурке; перед тем он помочился, спрятавшись за вьючную лошадь, и теперь привязывает ее повод к седлу своего коня. Похоже, далее следует привычный ритуал: усач подставляет девушке сцепленные руки, и та, ступив в них левой ногой, легко вспархивает на попону, постеленную перед ее бесстрастным спутником. Сверху она поглядывает на своего помощника, букетик фиалок возле ее носа выглядит нелепыми усиками. Человек в тужурке нехотя козыряет и подмигивает. Девушка отворачивается. Ремесленник, все это видевший, пришпоривает коня. Жеребец срывается в неуклюжую рысь, но всадник резко осаживает, вынуждая девушку ухватиться за его камзол. Подбоченившись, усач наблюдает за парой, потом садится в седло и пускается следом.

В лесу тихий звук достигает его ушей – девушка поет, вернее, мурлычет старинный печальный напев «Дафна», уже в те дни казавшийся древним. Вторжение человеческого голоса в доселе нерушимую тишину выглядит слегка дерзким. Чтобы лучше расслышать, усач подъезжает ближе. Цокают копыта, поскрипывают седла, тихонько звякает сбруя, шумит вода; из

долины доносятся трели дрозда, столь же обрывочные, как и чуть слышное пение девушки. Впереди сквозь голые ветви мерцает золотистый свет заходящего солнца, отыскавшего проталину в облаках.

Шум воды становится громче. Путники недолго едут вдоль бурной стремнины, поросшей вереском и яркой зеленью: тут фиалки, кислица, побеги папоротника, очажки примулы, изумрудный тростник и молодая травка. Тропа выходит на маленькую опушку и спускается к броду, где поток спокойнее. На другом берегу два первых всадника поджидают товарищей, как хозяева – нерасторопных слуг. За спиной вожака пожилой берет понюшку табаку. Девушка смолкает. Нащупывая дорогу в каменистом дне резвого потока, три коня шумно пробираются по броду, означенному рядом валунов. Молодой джентльмен смотрит на девушку в фиалковых усиках, словно она виновница задержки. Та не поднимает взгляд, но лишь теснее жметя к спутнику, чьи объятия страхуют ее от падения. Когда вся троица благополучно выбирается на берег, вожак трогает повод; поход продолжается в прежнем порядке и безмолвии.

Вскоре строй угрюмых конников покинул лес, выехав на широкий простор долины. Чуть под уклон, тропа бежала через необъятную луговину. В те времена сельское хозяйство Западной Англии подстраивалось под нужды своей главной персоны – овцы. Пейзаж создавали не нынешние латки полей, размежеванных живыми изгородями, но бескрайние пастбища. Вдали маячил поселок, колокольня которого просматривалась со взгорья. По вытянутому лугу разбрелись три-четыре отары; темные войлочные бурки и крючковатые посохи придавали монолитным фигурам чабанов сходство с первыми христианскими пастырями. Возле одного пастуха крутилась пара ребятишек. Те густошерстные овцы эсмурской породы были мельче и тощее нынешних. Слева от путников у подножья холма виднелся обширный каменный загон, чуть дальше – еще один.

Молодой джентльмен придержал коня, позволив второму всаднику поравняться с ним; теперь они ехали рядом, но по-прежнему молчали. Стремглав пролетев по общипанной стерне, пастушата выскочили к обочине дороги, тарашась на приближавшихся сказочных существ, для которых сами оставались невидимками. Задрав головы, босоногие брат и сестра безмолвно пялились на чужаков, тоже молчавших. Вожак их просто не заметил, пожилой мазнул по ним равнодушным взглядом. Мастеровой также не удостоил их вниманием, а вот усач не побрезговал даже столь малочисленной публикой: приосанился и в манере заправского кавалериста вперил взор вдаль. Лишь взгляд служанки, обращенный на девчушку, потеплел.

Ярдов триста ребятишки вприпрыжку бежали рядом с путниками, а затем паренек надал к насыпной изгороди с воротами, пересекавшей дорогу. Откинув запор, он распахнул створки ворот и, глядя в землю, протянул руку. Пожилой бросил фартинг, который нашарил в кармане редингота. Дети кинулись за покотившейся монетой, паренек успел первым. Потом оба вскочили и, понурившись, протянули ладошки к путникам в конце процессии. Служанка кинула девочке фиалки, которые, скользнув по явно завшивленной головенке, упали на землю. Малышка уронила руку, озадаченная непостижимым, бесполезным подарком.

Четверть часа спустя пятеро путешественников въехали на окраину маленького города К. По нынешним меркам обычный поселок, статус города он обрел благодаря тому, что в нем обитало на пару сотен человек больше, чем в любой близлежащей деревеньке той малолюдной округи, а также благодаря древней хартии, пожалованной ему в более удачливые времена (лет четыреста назад), однако и теперь позволявшей сонному мэру и крохотному муниципалитету избирать двух представителей в парламент. Городишко мог похвастать кое-каким числом купцов и ремесленников, еженедельным рынком, постоянным двором и двумя-тремя пивными, а также старинной школой, если дряхлого учителя (по совместительству приходского писца) и семерых учеников счесть учебным заведением. Во всем прочем он оставался деревней.

Величавый вид средневековой церкви был обманчив, ибо ее остроконечная зубчатая колокольня обозревала уже не столь процветающую округу, нежели та, в какой ее возвели почти три века назад, и являла собой скорее реликвию, нежели показатель благополучия. В городке никто из знати постоянно не проживал, хотя усадьба имелась. Как во всякой английской глубинке, в округе не было приличных дорог. А главное, на дворе стояла эпоха, когда вкус к природным красотам (тех немногих, у кого он был развит вообще) ограничивался симметричными французскими или итальянскими садами и оголенными, но художественно облагороженными ландшафтами – классикой заморской Южной Европы.

В родных диких просторах, а уж тем более в тесных домишках затрапезных городков вроде К. просвещенный английский путешественник не видел ничего романтического и живописного. Всякий с претензией на вкус считал их напрочь безликими. Неухоженная первобытная природа не пользовалась симпатией того времени. На пороге торгашеского века ее благоуханная бесполезность, буйность и некрасивость казались досужим напоминанием (в первую очередь нации корыстных пуритан) о грехопадении человека и его вечной ссылке из Эдемского сада. Всякая древность, не имевшая касательства к Греции и Риму, считалась бессмысленной всеми, кроме немногих ученых-книжников; даже естественные науки вроде давно известной ботаники были чрезвычайно враждебны к дикой природе, видя в ней лишь то, что следует укротить, классифицировать, утилизировать и использовать. Узкие улочки и проулки, толкотня домов в тюдорском стиле выражали собой лишь одно допотопное варварство, какое нынче встретишь в самых отсталых чужеземных краях – африканской деревне, да еще, может, на восточном базаре.

Если б человек двадцатого века совершил скачок в прошлое и взглянул на тогдашнюю жизнь глазами двух благородных путников, въезжавших в городок, он бы решил, что угодил в странную космическую дыру, где время, пространство и смысл заштилели, а Клио топчется на месте и скребет во взъерошенном затылке, гадая, куда же, черт возьми, двинуть дальше. Тот последний апрельский день пришелся на год, почти в равной мере отстоящий от 1689-го, пика Английской революции, и 1789-го, начала Французской революции, – этакого застоя (предсказанного теми, кто верит в эволюцию всплесками), сонной мертвой точки между символическими вехами. Оголтелый радикализм предыдущего столетия был отторгнут, и уже проклюнулись семена грядущих мировых перемен (возможно, в образе брошенного фартинга и фиалок). Разумеется, Англия в целом предалась извечно любимой национальной утехе: объединенная одной лишь непереваренной ненавистью к любым переменам, глубоко погрузилась в самое себя.

Подобно многим историческим затишьям, сей внешне вялый временной отрезок был не столь уж плох для почти шести миллионов англичан, даже самых незнатных. Ребятишки, что попрошайничали у приезжих, носили латанную одежку, однако не казались замореными голодом. Нынешние заработки превосходили те, что были в прошлых веках, и те, что будут в ближайшие два столетия. Право, для Девоншира наступило благодатное время. Последние полтысячи лет его порты и корабли, города и поселки процветали благодаря одному великому сырью – шерсти. Очень скоро, в какие-нибудь семьдесят лет, сей промысел потихоньку начнет хиреть, а потом и вовсе зачахнет, поскольку общественный вкус переметнется к тканям полегче, которые предложит более разворотливый английский Север, но пока половина Европы, колониальная Америка и даже имперская Россия закупали прославленное «аглицкое сукно».

В городке К. текстильным ремеслом занимались почти за каждой дверью и незаставленным окошком крытых соломой хибар: пряли женщины, пряли мужчины, пряли дети. Если руки их, сами выполнявшие привычную работу, предоставляя полную свободу глазам и языкам, не сучили пряжу, то мыли и чесали овечью шерсть. Изредка в темном нутре домишки мелькнет ткацкий станок, но в основном жужжали прядки. До внедрения прядильных машин остава-

лась еще пара десятилетий, и пока пряжу для ненасытных ткацких фабрик, рынков и богатых мануфактурщиков Тивертон и Эксетера по старинке сучили вручную. Бесконечное движение педалей, круговерть колес и веретен, а также запах сырой шерсти ничуть не впечатлили наших путников – по всей стране прядение пока что оставалось надомной работой.

На спесивую слепоту пришлых местные ответили иным. Повозка, запряженная снулыми волами, еле-еле плелась перед всадниками, не давая себя обогнать; прохожие, зеваки в дверных проемах и окнах, привлеченные цокотом копыт, и пряжи одаривали незваных гостей насупленными взглядами, словно подозрительных чужеземцев. Такая отчужденность объяснялась еще и сословной рознью, полувеком раньше четко проявившейся в соседних графствах Сомерсет и Дорсет: почти половина примкнувших к Монмутскому мятежу была из текстильных ремесленников, остальные из крестьян, однако ни единого человека из помещиков. Ошибочно говорить о зачатках цехового сознания или даже стадности черни, уже опасно обозначившихся в больших городах, однако врожденная неприязнь к выходцам из мира, где правил не текстиль, была налицо.

Суровая важность обоих джентльменов, старательно избегавших внимательных глаз, отсекала возможность всяких приветствий, вопросов и даже реплик шепотком. Временами девушка робко поглядывала на зевак, озадаченных ее чудным закутанным видом. Лишь усач в линялой тужурке выглядел обычным путешественником. Он отвечал взглядом на взгляд и даже козырнул двум молодухам, застывшим в дверном проеме.

Вдруг из-за откоса, подпиравшего косоугою стену глиняной хибары, выскочил малый в длинной рубахе и, размахивая ивовым обручем с нанизанными мертвыми птицами, подбежал к усачу. По придурковатому лицу парня бродила хитрая ухмылка юродивого.

– Купи, мистер! Пенс за птичку!

Усач отмахнулся, но парень, пятясь перед ним, все пихал ему связку мертвых снегирей с малиновыми грудками и угольно-черными головками (тогда церковные приходы платили за каждую убитую птицу).

– Кудой едешь, мистер?

Помолчав, усач буркнул:

– Блох кормить в вашем гадюшнике.

– Пошто?

Усач даже не глянул:

– Не твоего ума.

Воловья упряжка свернула к кузне, и кавалькада смогла прибавить шагу. Ярдов через сто всадники выехали на маленькую площадь, по краю вымошенную брусчаткой. Хоть солнце село, на западе разъяснело. В медовом свете плыли розовые перистые облака, окрашивая багрянцем синеватый небесный свод. Посреди окруженной строениями рыночной площади высился крытый сланцем покатым навес, сколоченный из массивных дубовых бревен. Здесь разместились портняжья мастерская, лавки шорника, бакалейщика, аптекаря, цирюльника-костоправа (единственного местного лекаря) и сапожника. На краю площади кучка народу лентами украшала лежавшее на земле Майское дерево – главный элемент завтрашнего праздника.

Неподалеку от навеса ребячьей стайки шумно играли в салочки и лапту. Нынешние фанаты бейсбола были бы потрясены тем, что лаптой больше увлекались девочки, а лучший игрок в награду получал не миллионный контракт, а всего лишь пудинг, приправленный пижмой. Ребята постарше, в чью компанию затесалась пара мужиков, поочередно швыряли увесистые шишкастые дубинки из падуба и боярышника в странное чучело, сооруженное из замызганной красной тряпицы и отдаленно смахивавшее на птицу. Наши путники тотчас смекнули, что идет упражнение в исконно английской благородной забаве, которая состоится завтра: убой петухов метанием тяжелых «костыг». Главные состязания традиционно приходились на Масленицу, однако в Девоншире сей вид спорта был популярен так же, как петушинные бои

на праздниках знати. Минует ночь, и место тряпичного чучела займут охваченные паникой живые птицы, брусчатка окропится кровью. В восемнадцатом столетии истинный христианин был жесток к этим тварям. Ведь именно нечестивец петух трижды прокукарекал, знаменуя каждое отречение апостола Петра! А потому насмерть забить его потомков – высшая добродетель!

Оба всадника натянули поводья, будто слегка опешив от неожиданной кутерьмы на площади, но метатели уже побросали биты, а детишки свернули игры. Вожак обернулся к усачу, и тот кивнул на обветшалый каменный дом, над крыльцом которого был намалеван черный олень, а рядом виднелся арочный въезд в конюшню.

Кавалькада процокала по уклонистой площади. Ради столь увлекательного зрелища на время было забыто Майское дерево, зеваки образовали небольшой кортеж, в котором насчитывалось под сотню любопытных. У постоялого двора вожак учтивым жестом пропустил пожилого вперед. На крыльцо высыпали краснощекий пузан, служанка и мальчишка-половой, со двора суетливо прихромал конюх и ухватил под уздцы лошадь пожилого, который, кряхтя, спешился. Половой придержал коня жоака.

– Милости просим, господа, – поклонился толстобрюхий хозяин. – Паддикуум, к вашим услугам. Лышу надежду, путешествие не доставило утомлений.

– Все готово? – спросил пожилой.

– Как приказано, сэра. Согласно уведомленью.

– Ну так проводите нас в покои. Мы очень устали.

Хозяин попятился, уступая дорогу, но молодой джентльмен замешкался, провожая взглядом остальных всадников, напрямиком направившихся во двор. Покосившись на кордон зевак, пожилой чуть сварливо приказал:

– Идем же, племянник. Хватит потакать досужему любопытству.

С тем он вошел в дом, спутник его последовал за ним.

Лучшие покои верхнего этажа; дядюшка и племянник только что отужинали. Горят свечи в настенном канделябре у двери и трехрогом оловянном подсвечнике на столе. Трепещущие тени старой залы пропитаны чуть едким дымом из большого открытого камина, где потрескивают ясеневые поленья. Напротив кровать под балдахином и тумбочка, на которой таз и кувшин. Возле окна столик и стул. По бокам очага два источенных жучком старинных кресла: деревянные подлокотники, кожаные сиденья; изножье кровати охраняет длинная столетняя скамеечка. Вот и вся обстановка. Окна заставлены, стены голы, лишь над камином обрамленная гравюра – портрет предпоследней монархини королевы Анны да подле канделябра маленькое помутневшее зеркало.

На полу возле двери раскрытый кожаный баул с одеждой и окованный медью сундучок. Огонь в камине, мерцающие свечи и тени скрадывают убогость комнаты, где стены лишь до середины облицованы панелями, а широкие половицы ничем не покрыты, но выскоблены и теплы.

Из сине-белого фарфорового графина племянник наливает себе мадеры и со стаканом отходит к камину. Молча смотрит на огонь. Он уже снял аскот, сколотый брошью, и облачился в парчовый халат (в те дни так называли свободный домашний сюртук), накинув его поверх длинного жилета и панталон. Парик он тоже снял, и потому даже в тусклом освещении хорошо видна его налысо обрита голова (если б не одеяние – вылитый нынешний скинхед). Возле двери на крючках висят его редингот, фрак и модный короткий парик, в углу – сапоги и шпага. Дядюшка все еще во фраке, шляпе и длинном парике, локоны которого примостились на его плечи. Между родственниками мало внешнего сходства. Племянник subtilen, на лице его в отблесках пламени печать высокомерной непреклонности. Орлиный нос и четко очерченные губы не лишены привлекательности, но чем-то это лицо настораживает. Видно, что человек

получил хорошее воспитание и, несмотря на относительную молодость, имеет твердую жизненную позицию и уверенный взгляд на мир. В нем безошибочно угадываешь волевою натурой, равнодушную ко всему, что противоречит ее желаниям.

Задумчивый племянник составляет разительный контраст тучному дядюшке, чья брыластая, густобровая, подвижная физиономия тотчас выдает в нем человека иного склада. Однако в отличие от компаньона, который задумчиво созерцает огонь, солидному дядюшке явно не по себе. В его взглядах исподтишка сквозит какое-то нетерпение. Наконец он опускает глаза к тарелке, но тотчас вскидывает голову, услышав голос племянника, который по-прежнему не отрывает взгляда от огня; похоже, трапеза, как и поездка, проходила в молчании.

– Я благодарен тебе за терпенье, Лейси. Меня будто нет.

– Так вы ж заранее уведомили, сэр. И щедро заплатили.

– Все равно. Для того, кто болтовней зарабатывает на хлеб насущный... Боюсь, из меня плохой партнер.

Чудной разговор для дяди и племянника. Мазнув по собеседнику лукавым взглядом исподлобья, пожилой достает табакерку.

– Случалось, за мою болтовню доставалось тухлой капустой. – Он берет понюшку. – А вознагражденья только на капусту и хватало.

Молодой джентльмен усмехается:

– Бьюсь об заклад, таких ролей еще не было?

– Спору нет, сэр. Такого не игрывал.

– Я признателен. Ты справился с ролью.

Толстяк отвечает нарочито глубокий поклон:

– Я б еще лучше сыграл, ежели б... – Всплеснув руками, он осекается.

– Ежели б крепче верил драматургу?

– В его замысел, мистер Бартоломью. Не гневайтесь.

Молодой человек вновь смотрит в огонь.

– Так всякий может сказать. Об комедии жизни.

– Верно, сэр. – Кружевным платком Лейси подтирает нос. – Только у нашего ремесла свои законы. Желательно знать, что будет дальше. На сем зиждется наше искусство. Иначе исполнение теряет половину мощи.

– По тебе не скажешь.

Ухмыльнувшись, комедиант защелкивает табакерку. Молодой джентльмен задумчиво проходит к окну и открывает скрипучий ставень. Выглядывает наружу, будто надеясь увидеть кого-то на рыночной площади. Но там пусто и темно. Кое-где в окнах соседних домов мерцает пламя свечи. На западе небо еще чуть подсвечено испутившим дух солнцем, низкие звезды возвещают, что разъяснено и на востоке. Закрыв ставень, молодой человек поворачивается к актеру:

– Завтра поедем той же дорогой. Через час расстанемся.

Понурившись, вскидывает бровь и нехотя кивает, точно шахматист, вынужденный признать мастерство соперника.

– Позвольте хотя бы надеяться на встречу с вами в более благоприятных обстоятельствах.

– Если будет угодно судьбе.

Актер одаривает компаньона пристальным взглядом:

– Полноте, сэр. Все ладно... Давеча не вы ль потешались над суеверием? А теперь словно боитесь озлить фортуны.

– Игра с ней не суеверие, Лейси.

– Пожалуй, ежели только раз метнуть кости. Но у вас-то в запасе еще бросок.

– Дважды Рубикон не переходят.

– Однако юная леди...

– Теперь... иль никогда.

Лейси помолчал.

– При всем почтенье, любезный сэра, вы слишком трагично смотрите на вещи. Вы ж не Ромео, приговоренный к колесованию судьбой. Шекспир горазд на такие выдумки, ему лишь бы поэффектней. – Не дождавшись ответа, актер продолжает: – Ладно, пусть ваша затея снова не удастся. Пробуйте еще раз, как надлежит истинному влюбленному. Не зря ж говорят: попытка не пытка.

Молодой джентльмен садится в кресло и долго смотрит на огонь.

– Что, ежели в этой пьесе нет ни Ромео, ни Джульетты? И финал ее скрыт в кромешной тьме? – Он поднимает голову, взгляд его тверд и прям. – Что тогда, Лейси?

– Бог с ними, с пьесами, сэра. Когда вы так говорите, я сам будто в кромешной тьме.

Вновь повисает молчание.

– Позволь предложить тебе чудную задачку, – наконец говорит молодой джентльмен. – Давеча ты сказал – мол, желательно знать, что будет дальше. Вообрази: к тебе, именно к тебе, явился человек, кто уверяет, будто проник в тайны будущего – не загробного, а нашего земного мира. Ему удалось тебя убедить, что он не балаганный шарлатан, но ученый, посредством математики, астрологии и всяческих тайных знаний сделавший подлинное открытие. Далее он рассказывает об том, что произойдет завтра, в нынешнем месяце, на будущий год, через сто и тысячу лет. Выкладывает всю историю. Как ты поступишь: станешь бегать по улицам, всех оповещая, иль затаишься?

– Сперва выясню, не рехнулся ль я.

– Твои сомненья развеяны неопровержимым доказательством.

– Тогда упрежу своих близких. Чтоб избегли возможных бед.

– Чудесно. Но представь, что пророк сулит сплошь пожары и чуму, смуты, бесконечные несчастия. Как тогда? Поступишь так же?

– Что-то я в толк не возьму, сэра. Откуда ему знать?

– Не фордыбачь. Мы всего лишь фантазируем. Допустим, он сумел тебя убедить.

– Шибко мудрёно для меня, мистер Бартоломью. Ежели судьба, чтоб завтра мой дом спалила молния, тут уж никуда не денешься. Но коли суждено загодя об том узнать, вполне могу переждать в сторонке.

– А ежели молния поразит, где бы ты ни был? Хоть беги, хоть сиди дома? Кроме того, предсказатель может и не знать, как именно ты умрешь иль когда на человечество обрушится та или иная напасть. Он просто знает, что рано иль поздно многие от нее пострадают. Вот что я хочу спросить, Лейси: если б пророк заранее уведомил тебя об цели своего визита, дав время подумать и обуздая естественное любопытство, не благоразумней ли уклониться от встречи с ним?

– Пожалуй. Может статья.

– И не лучше ль ему, буде он любого сорта христианин, оставить при себе свои тайны, пусть даже его оракульская наука предсказала, что в один прекрасный день сей жестокий расштыренный мир обретет изобилье и нерушимый покой? Ибо кто станет утруждаться добродетелью и благочестьем, ежели всем без разбору уготован рай?

– Я уловил вашу мысль, сэра. Только не разумею, почему об том вы заговорили именно сейчас.

– Вот почему: предположим, ты, Лейси, тот самый пророк, кому открылись предписанные нам беды. Не лучше ль стать единственной жертвой сего знанья? Может быть, ценой молчанья – нет, собственной жизни! – удастся смягчить праведный гнев Небес на богохульника, взломавшего печати времени?

– Ответить затруднительно... Вы касаетесь предметов... Негоже посягать на то, что подвластно одному Создателю нашему.

Глядя в огонь, молодой джентльмен согласно кивает:

– Я лишь фантазирую. Никакого богохульства.

Он умолкает, будто жалея, что затронул сию тему вообще. Но актер не удовлетворен исходом беседы: уложив руки за спину, он медленно вышагивает к заставленному окну. Потом крепче стискивает пальцы и адресуется к лысому силуэту, маячащему на фоне камина:

– Коль завтра мы расстаемся, буду откровенен, мистер Бартоломью. В моем занятии обретаешь навык по наружности распознавать человека. Лицо, походка, манеры все об нем скажут. Сложилось мнение и об вас, сэр. Крайне благоприятное. Вопреки давешним недомолвкам я считаю вас джентльменом честным и благородным. Надеюсь, вы достаточно хорошо меня знаете, чтоб поверить моим словам: я б в жизнь не примкнул к вашей затее, ежели б сомневался, что за вами правда.

Мистер Бартоломью не оборачивается.

– И что? – сухо спрашивает он.

– Я могу простить, сэр, что вы умолчали об кое-каких деталях нашего предприятия. Допускаю, необходимость сия продиктована здравым смыслом. Однако под маской здравого смысла вы утаили саму суть нашей затеи. Не скрою, сэр, сие непростительно. Вольно вам фантазировать, но что прикажете мне...

Мистер Бартоломью вскакивает; похоже, он взбешен, но лишь в упор смотрит на спутника.

– Поверь мне на слово, Лейси. Да, я непокорный сын, да, я не все тебе поведал. Ежели в том грешен, каюсь. Но даю слово, законов я не нарушал. – Он подходит к актеру и протягивает ему руку. – Прошу мне верить.

Помешкав, Лейси отвечает рукопожатием.

– Честью клянусь, ты во мне не ошибся. – Молодой джентльмен сверлит актера взглядом. – Заклинаю помнить об том, что бы ни случилось. – Убрав руку, он отворачивается к камину, но тотчас вновь взглядывает на Лейси. – Во многом я тебя обманул, но, поверь, ради твоего же блага. Коль что неладно, ты – всего лишь слепое орудье.

Взгляд комедианта неуступчив.

– Однако ж происходит вовсе не то, в чем вы меня убеждали, верно?

Молодой джентльмен отводит глаза:

– Я ищу одной встречи. Вот она, правда.

– Но не с тем, об ком говорили?

Ответа нет.

– Дело чести?

Мистер Бартоломью усмехается:

– Тогда б я был с секундантом. Да и не стоило тащиться в этакую даль ради того, что можно решить в окрестностях Лондона.

Актер собирается что-то сказать, но не успевает. На площадке слышны шаги, затем стучат в дверь. Мистер Бартоломью откликается. Входит хозяин Паддикуом.

– Внизу господин дожидаячись, мистер Браун, – обращается он к мнимому дядюшке. – Шлет вам свое почтение, сэр. Извиняйте за беспокойство.

Лейси бросает взгляд на «племянника», но по тому не скажешь, что он ждал именно этого визита, хотя в вопросе его слышится нетерпение:

– Кто такой?

– Мистер Бекфорд, сэр.

– Какой еще мистер Бекфорд?

– Наш пастор, сэр.

Молодой джентльмен облегченно вздыхает и обращается к актеру:

– Прошу прощенья, дядюшка, я утомился. Не стану вам мешать.

Чуть замешкавшись, лицедей плавно входит в роль:

– Скажите преподобному, сейчас я с ним повидаюсь. Племянник просит не серчать – притомился.

– Слушаюсь, сэр. Немедля. Ваш покорный.

Хозяин уходит.

– Мужайся, приятель, – кривится мистер Бартоломью. – Уж напоследок пусти пыль в глаза.

– Наш разговор не окончен, сэр.

– Поскорее спровадь его, но учтиво.

Актер поправляет шарф и шляпу, одергивает фрак:

– Слушаюсь.

Лейси отвешивает легкий поклон и направляется к двери. Он уже взялся за ручку, когда мистер Бартоломью вдогонку бросает:

– Будь любезен, скажи нашему дражайшему хозяину, чтоб дал еще своих паршивых свечей. Я почитаю.

Актер безмолвно кивает и выходит из комнаты. Мистер Бартоломью замирает, уставив взгляд в пол, затем встает, переносит столик от окна к креслу возле камина и ставит на него трехрогий подсвечник. Потом роется в жилетном кармане, находит ключ и, присев на корточки, отпирает окованный медью сундучок, в котором, похоже, одни книги и пухлые рукописи. Молодой джентльмен выуживает связку бумаг, садится в кресло и начинает читать.

Немного погодя стучат в дверь. Горничная вносит зажженный канделябр; по знаку постояльца опускает его на столик возле камина, затем прибирает остатки ужина. Мистер Бартоломью на нее не смотрит, будто из восемнадцатого столетия перенесся на пять веков вперед, где всю нудную лакейскую работу исполняют машины. Горничная собирает тарелки на поднос; у порога делает неуклюжий книксен перед фигурой в кресле, увлеченной бумагами. Вероятно, охваченная суеверным страхом, ибо чтение почиталось бесовским занятием, и в глубине души уязвленная таким равнодушием, ибо уже в те времена гостиничная прислуга отличалась смазливостью, девица бесшумно покидает комнату.

В углу еще более убогой мансарды без потолка, куда не достает свет единственной свечи на столике под слуховым окошком, на низенькой узкой койке прикорнула юная путница, укрытая дорожной накидкой. Свернувшись калачиком, она обнимает жесткую подушку, простеленную холстиной, что в дороге служила ей повязкой. В лице и позе девушки есть что-то детское: чуть вздернутый носик, пушистые ресницы, кулачок, зажавший былинки поникших фиалок. Под столом туда-сюда снует и шебаршит мышь.

На спинке стула подле кровати висит «молочница», отвергнутая ради неоспоримой ценности, кою извлекли из распущенного и брошенного на пол узла: верхом на шляпке восседает белый батистовый чепец с длинными лентами, со лба и боков собранный в мелкую складку. В простецкой комнатушке сей изящный головной убор выглядит неуместно и даже слегка нелепо. В былые времена подобные чепцы, только без лент, служили отличительной деталью горничных и подавальщиц, но потом в сии уборы, наряду с фартуком, обрядились все модницы, независимо от их социального статуса. Слуг-мужчин, рабов ливреи, отличить было легко, а вот служанки имели относительную свободу в выборе одежды, о чем, пытаясь тому воспрепятствовать, неодобрительно свидетельствует некий современник. Нередко случалось, что в гостиной джентльмен расшаркивался перед дамой, которую принимал за наперсницу хозяйки, а затем с досадой понимал: учтивость растрянжирена перед обычной прислугой.

Впрочем, обладательница сего изящного, но обманчивого чепчика вовсе не спит. Заслышав шаги на лестнице, она открывает глаза. Перед дверью шаги замирают, а затем кто-то дважды пинает нижнюю филенку. Отбросив накидку, девушка садится на кровати. Она в темно-

зеленом «английском» платье на желтой подкладке и длинном белом фартуке. Из-за корсета верх ее выглядит неестественно плоским, смахивая на перевернутый конус. Сунув обтянутые чулками ноги в старенькие домашние туфли, девушка отпирает дверь.

На пороге ее спутник, едва различимый в темноте; в руках у него большой медный кувшин с теплой водой и глазурованный фаянсовый таз. Увидев девушку, гость словно коченеет, но она приглашает его войти, кивнув на столик под окошком. Кувшин и таз мужчина ставит рядом со свечой, однако к хозяйке комнаты не поворачивается и вновь застывает, опустив голову.

Юная особа перекладывает с пола на кровать узел, где в ворохе одежды и лент, укрытом вышитым платком, покоится сверток с множеством керамических баночек, закупоренных, точно горшочки с вареньем, самодельными крышками из вошеной бумаги и бечевки; там же синие стеклянные флаконы под пробкой, а еще гребень, щетка и ручное зеркальце. Потом девушка бросает взгляд на гостя, отметив его странную неподвижность.

Помедлив, она подходит к спутнику и тянет его за руку, заставляя обернуться. Лицо мужчины спокойно, однако выглядит он измученным загнанным зверем, в глазах которого застыли беспросветное отчаяние и немой вопрос: за что так со мной? Взгляд девушки тверд. Она качает головой, и безучастные голубые глаза мужчины уходят от ее карих глаз, взор его направлен в стенку за ее головой, но сам он не шевельнется. Девушка берет его ладонь и разглядывает ее, поглаживая пальцами. С полминуты, может, больше оба пребывают в странной безмолвной неподвижности, словно чего-то ожидая. Наконец девушка выпускает мужскую руку, отходит к двери и запирает ее на щеколду; затем поворачивается к спутнику, чей взгляд неотступно следует за ней. Девушка показывает на пол перед собой, будто ласково, но властно подзывая домашнюю собаку. Мужчина подходит, ловя ее взгляд. Она вновь касается его руки, но теперь лишь коротко ее пожимает. Девушка возвращается к столу и развязывает фартук. Потом, словно что-то вспомнив, делает шаг к кровати и, порывшись в свертке, достает баночку, флакончик и застиранную тряпицу, явно приспособленную под полотенце. С ними возвращается к столику и, секунду подумав, сдергивает бумажную крышку с баночки.

Девушка начинает раздеваться. Сняв фартук, вешает его на деревянный гвоздок возле окошка. Затем избавляется от зеленого роба на желтой подкладке, являя на свет стеганую каламянковую нижнюю юбку (в нынешнем понимании – подол платья). Сливового цвета, она странно поблескивает – в ткань примешан атлас. Распустив поясные завязки, девушка вешает юбку на соседний гвоздок и снимает корсаж. Под ним лишь белая короткая сорочка, которую благопристойность требует оставить. Однако, стянутая через голову, сорочка отправляется к прочей одежде. Девушка по пояс голая, на ней лишь исподние юбки, фланелевая и полотняная.

Все делается быстро и естественно, словно рядом никого нет. На мужчину раздевание производит странный эффект: он опасливо пятится, и лишь оштукатуренная стена прекращает его отступление.

Девушка наливает воду в таз и, достав из баночки пахнувший левкоем кругляш, намыливает лицо, шею, грудь и руки. Пламя свечи слегка колеблется, играя бликами на мокрой коже; временами девушка чуть изгибается, и тогда видна размытая световая грань между белым животом и темной спиной. На стропилах огромным пауком копошится зловещая тень, передразнивая купальщицу. Тем паче зловещая, что девушка – левша. Временами она поглядывает на своего безмолвного зрителя, который тотчас отводит глаза от ее полуобнаженного тела.

Но вот мытье закончено; жидкостью из синего флакона смочив край полотенца, девушка протирает шею, грудь и подмышки. Комнату наполняет аромат «Венгерской воды».

Девушка надевает сорочку и, прихватив свечу, отходит к кровати. Усаживается. Прячет тщательно отертый обмылок и открывает баночку со свинцовыми белилами – тогдашним универсальным косметическим средством и зачастую смертельной отравой. Кончиком пальца наносит мазь на щеки, а затем круговыми движениями растирает ее по лицу. Не забыты шея и

плечи. Потом девушка достает зеркало и синий флакончик с пробкой. Разглядывает свое отражение, однако свеча слишком далеко от импровизированного туалетного столика. Девушка протягивает подсвечник мужчине – мол, поддержи.

Теперь источник света рядом. Она застилает полотенцем колени и аккуратно распечатывает баночку с кармином. Пожевав сомкнутыми губами капельку краски, девушка проводит по ним пальцем, а затем им же пошлепывает себя по скулам, используя средство как помаду и румяна. Довольная результатом, она убирает зеркало и косметику и, мягко отпихнув свой живой канделябр, достает еще один синий флакон, к пробке которого снизу приделан кусочек гусиного пера. Откинув голову, девушка закапывает в глаза бесцветную жидкость, которая, видимо, щиплет, заставляя часто моргать. Девушка закупоривает флакон и лишь тогда взглядывает на мужчину.

Теперь ясно, что никакая она не служанка, хотя сияющие глаза с расширенными от белладонны зрачками, неестественно яркие губы и румяные щеки придают ей скорее вид куклы, нежели обольстительницы. От былой простушки, что четверть часа назад дремала на койке, осталась лишь кареглазость. В уголках рта затаилась легкая усмешка сестры, потакающей безобидной слабости брата. Веки прикрыты, голова чуть запрокинута.

Можно подумать, девица предлагает себя к поцелую, но мужчина лишь ближе подносит свечу, то с одной, то с другой стороны разглядывая ее чуть восковое лицо. Он будто изучает каждую его черточку, пытаясь отыскать скрытый знак, некий ответ; его собственное бесстрастное, но чрезвычайно сосредоточенное лицо обретает загадочность и бездонное простодушие, какие встречаешь у слабоумных от рождения, в нем читается желание постигнуть то, что недоступно обычному разуму. Однако его не назовешь лицом идиота: под красивой соразмерностью черт – особенно хорош волевой рот – притаились инакость и невозмутимая серьезность.

Девушка терпит сей безмолвный осмотр. Помешкав, мужчина нежно касается ее виска, затем пальцы его сползают к щеке и подбородку, словно и впрямь изучают расписной мрамор или посмертную восковую маску. Девушка опять прикрывает глаза, а пальцы продолжают свое путешествие: лоб, брови, веки, нос и, наконец, губы, которые никак не откликаются на прикосновение.

Вдруг мужчина падает на колени и, поставив свечу на пол, утыкается лицом в девичьи бедра, словно более не в силах вынести вождевленное зрелище и молит о пощаде. Девушка не выказывает ни малейшего удивления, но лишь опускает взгляд на его макушку, а потом гладит связанные в хвост волосы.

– Бедный Дик, – шепчет она будто про себя. – Бедный, бедный...

Мужчина замер и не отвечает. Девушка поглаживает его по голове, а затем мягко отталкивает; из открытого узла она достает роб (серый с отливом в розовый) и юбку, которые расправляет на кровати, готовясь надеть. Мужчина стоит на коленях, поникшая голова его выражает покорность или мольбу. Однако свеча на полу озаряет нечто, не подразумевающее ни того ни другого: не менее чем девичьим лицом, мужчина заморожен предметом, который обеими руками ухватил, точно утопающий – ветку. Только в руках его никакая не ветка, но огромный восставший член, выглядывающий из распахнутых штанов. Девушка видит сие непотребство, но отнюдь не ошеломлена и не разгневана; она по-прежнему расправляет платье. Затем спокойно собирает рассыпанные по жесткой подушке фиалки и небрежно, чуть ли не ернически, швыряет ими в мужчину, в руках которого зажат громадный, набухший кровью фалдус.

Лицо мужчины кривится в гримасе боли, секунду он и размалеванная девушка смотрят друг на друга. Обойдя гостя, хозяйка открывает дверь – мол, извольте уйти. Рассупоненный бедняга Дик неловко встает и, не глядя на нее, бочком протискивается в коридор. Девушка остается в дверях, чтобы посветить ему на пути к темной лестнице, но сквозняк грозит загасить свечку, и она отступает в комнату, ладонью прикрывая трепещущее пламя, точно персонаж с

картины Шардена. Привалившись к двери, девушка смотрит на парчовое платье, разложенное на кровати. Одна лишь белладонна ведаёт о слезах, что закипают на ее глазах.

Пока Дик был в мансарде, некоторое время его персону главенствовала в беседе, что велась за длинным кухонным столом. Подобно зале старого фермерского дома, гостиничная кухня являла собой центр местной общественной жизни, открытый для слуг высокородных гостей и незнатных путников. Тамошнее угощение было определено вкуснее, а само общество несомненно душевнее, нежели во многих светских гостиных и салонах. Прислуга охотно внимала слухам, сплетням и байкам, кои доставляли незнакомцы, близкие ей по роду и сословию. Тем вечером в кухне «Черного оленя», с той самой минуты, как с саблей и зачехленным мушкетером под мышкой переступил порог черного хода и, сдернув кивер, изловчился одним взглядом окинуть игривых судомоек, повариху и горничную Доркас, бесспорным королем посиделок был обладатель алой тужурки, отрекомендовавшийся старшиной Фартингом.

С той же минуты стало ясно, что он из древней, как сам людской род или его войны, человеческой породы, которую римские комедиографы окрестили *miles gloriosus* – вояка-хвастун, бездонный мешок вранья. В Англии восемнадцатого века даже скромный воинский чин служил дурной рекомендацией. Пусть монархи с министрами талдычили о необходимости регулярной армии, для всей остальной нации она была проклятой докукой (а в случае чужеземных наймитов – оскорблением), тяжким бременем тех невезучих мест, где квартировали войска. Фартинг о том будто не ведал и ничтоже сумняшеся вручил свои верительные грамоты: мол, не гляди на его теперешнюю одежду, в прошлом он флотский старшина, но еще юнгой, аж в восемнадцатом годе, служил барабанщиком на флагмане; в ту пору росточком он был не выше вон того паренька, однако храбрость его отметил сам адмирал Бинг, в славной заварушке у мыса Пассаро задавший жару испанцам (не тот, кого в пятьдесят седьмом в острастку другим нашипигуют портсмутским свинцом, а его родитель). Усач знал, как раз и навсегда заполнить внимание слушателей. Разумеется, никто в кухне не мог состязаться со столь бравым воителем, повывавшим свет. Вдобавок, прекрасно осведомленный о том, что лесть – лучший способ завоевать расположение аудитории, он нагло пялился на ее женскую часть и, от души выпивая и закусывая, нахваливал каждый глоток и кусок. Пожалуй, самым правдивым в его речах было то, что он знает толк в добром сидре.

Конечно же, его спрашивали о нынешнем путешествии. Выходило, что молодой джентльмен и его дядюшка надумали проведать одну даму, кто доводилась им соответственно теткой и сестрой. Унаследовав земли и собственность, какими не побрезговала бы и герцогиня, весьма зажиточная, но хворая вековуха обитала в окрестностях Бидефорда. Рассказчик подмигивал и дергал себя за нос, пытаясь ужимками расцветить незамысловатые сведения: молодой господин не всегда был образчиком усердия и ныне погряз в долгах. Девица в мансарде – горничная одной лондонской дамы, а теперь предназначена в услуженье тетушке, он же, Тимоти Фартинг, состоит при давнем своем знакомце дяде, который шибко опасается разбойников, лиходеев и всякой рожи, какая встретится дальше чем в миле от собора Святого Павла. Однако до сих пор все слава тебе господи, разливался вояка, ибо его недреманное око охраняет не хуже роты пехотинцев.

Что касаето дядюшки, то он человек со средствами, видный купец лондонского Сити, но обременен потомством, требующим заботы. Брат его, папаша молодого джентльмена, недавно почил, так что он еще фактический опекун и наставник племянника.

Брехливое словоизвержение Фартинг прервал лишь раз, когда в дверях растерянно застыл не улыбочивый Дик, пришедший из конюшни. Усач поднес ко рту сложенные щепотью пальцы и кивнул на свободное место в дальнем конце стола.

– Не слышит, не говорит, – подмигнул он хозяину. – От рожденья глухонемой, мистер Томас. Простоват, однако славный малый. Слуга молодого джентльмена, хоть по одеже не скажешь. Садись, Дик. Отведай угощенья, какого мы еще не едали. Так на чем я остановился?

– Как вы надрали хвост испанцам, – робко подсказал мальчишка-половой.

Фартинг продолжил свои басни, время от времени апеллируя к жующему слуге: «Верно, Дик?» или «Ужо Дик вам порассказал бы, имей он язык да побольше мозгов», но тот словно ничего вокруг себя не видел, даже когда его безмятежные голубые глаза смотрели прямо на усача, явно желавшего продемонстрировать, что сердечность числится в ряду его добродетелей. А вот взгляды служанок частенько задерживались на лице глухонемого: в них читалось любопытство, смешанное с сожалением, что столь ладная, хоть и безучастная наружность досталась недоумку.

В конце трапезы словесный поток прервало появление «девицы из мансарды», которая принесла поднос с остатками своего ужина, а затем поманила в сторонку горничную Доркас. Они о чем-то пошептались, и горничная оглянулась на глухонемого. Фартинг попытался завербовать новую слушательницу, но та дерзко отмахнулась:

– Благодарю, я уж сыта твоими кровавыми байками.

Прощальный книксен ее был столь же дерзок, как и слова.

Дернув себя за ус, отставной старшина обратился за сочувствием к хозяину:

– Вот он вам Лондон, мистер Томас. Право слово, еще недавно эта вертихвостка была столь же мила и свежа личиком, как ваша Доркас. А теперь вся из себя француженка, даже имечко ее, коим, чтоб мне сдохнуть, никогда ее не крестили. Вот уж верно, ныне курица – и та фурится. – Голос его обрел жеманность: – Фу ты, ну ты, губки дуты! Такая вот она! Ей-же-ей, любая хозяйка стократ сердечней служанки вроде Луизы. Луиза! Да разве сие имя для англичанки, спрошу я вас! Правда, Дик?

Глухонемой тупо смотрел перед собой.

– Горемыка! Целыми днями терпит ее выкрутасы. Да, парень? – Фартинг кивнул на дверь, за которой скрылась вертихвостка, пальцами изобразил двух всадников на коне и, сморщив нос, опять показал на дверь. Дик ответил равнодушным взглядом. Усач подмигнул хозяину. – Чурбан и то смекалистей, ей-богу!

Однако вскоре глухонемой подошел к Доркас, которая наливала в кувшин воду, согретую по просьбе верхней жилички. Получив кувшин и фаянсовый таз, он даже кивнул в знак благодарности за любезность. Горничная неуверенно глянула на усача:

– Сообразит он, куда нести-то?

– А то! Не сумлевайся! – Фартинг ткнул пальцем в прикрытое веко. – Наш Дик – соколиный глаз! Видит сквозь стены!

– Иди ты!

– Клянусь, душенька! По крайней мере, я еще не встречал никого, кто так любил бы в них пялиться! – Усач подмигнул – мол, шучу.

Мистер Паддикуум выразил удивление тем, что господин держит столь ограниченного в уме слугу. Как же ему приказывать?

Фартинг глянул на дверь и доверительно подался вперед:

– Вот что я вам скажу, мистер Томас: они с хозяином два сапога пара. Свет не видывал столь неразговорчивого джентльмена. Дядюшка уведомил – мол, такого он нраву. Мне-то что, пускай. – Он поднял палец. – Но знайте, с Диком он общается.

– Да как же?

– Знаками, сэр.

– Какими такими знаками?

Откинувшись на стуле, Фартинг ткнул себя пальцем в грудь и вскинул сжатый кулак. Тупой взгляд публики мало чем разнился с откликом глухонемого. Повторив пантомиму, усач разъяснил:

– Подай пуншу!

Доркас прихлопнула ладонью рот, а Фартинг потрепал себя по плечу, затем поднял растопыренную пятерню, к которой приставил палец другой руки, и, выждав, перевел:

– Разбуди точно в шесть.

Далее усач сомкнул ладони, затем сложил их ковшиками и побаюкал перед грудью, после чего выкинул семь пальцев. Зачарованные зрители ждали истолкования.

– В сем – то бишь в сем часов, а не всем кагалом, извиняйте за каламбур, – ждате перед домом леди.

– Понимаю, – неопределенно хмыкнул мистер Паддикуом.

– Да я вам хоть сто, хоть тыщу раз изображаю. Наш Дик не такой болван, каким выглядит. Я вот еще кое-что поведаю, сэр. Только между нами. – Стрельнув глазами на дверь, Фартинг зашептал: – Вчерась заночевали мы в Тонтоне, и пришлось мне улечься с Диком, поскольку иного ложа не имелось. Вдруг, не знаю почему, середь ночи просыпаюсь. Гляжу, соседа моего рядом нет. Видать, на свежем воздухе ему вольготней, ну и ладно, мне просторнее, думаю я и вновь налаживаюсь спать. Но тут, мистер Томас, вдруг слышу, будто кто-то во сне бормочет. Слов не разобрать, одно курлыкание. Вот эдак. – Усач прерывисто заклекотал. – Приглядываюсь и вижу: малый в одном исподнем стоит на коленях возле окошка и вроде как молится. Только не Господу нашему Иисусу Христу. Нетушки! Яркой луне, сэр! Прижался мордой к стеклу, сэр, будто хочет вспорхнуть к ночному светилу. Тим, говорю я себе, в тебя летели испанские ядра, ты отбивал боевой сбор, неисчислимо повидал смерть, лихих людей и черта в ступе, но такого не видывал. Ясно как божий день, думаю, у парня лунатический припадок, в любую секунду он может на меня кинуться и порвать в клочья. – Для пушного эффекта выдержав паузу, Фартинг оглядел слушателей. – Не шутейно говорю, любезные, за сотню фунтов не соглашусь еще раз этакое пережить. Да что там сотня – тыщи не возьму!

– А вы б его скрутили!

Фартинг снисходительно усмехнулся:

– По всему, сэр, вам не довелось бывать в Бедламе. А я вот видел, как в припадке плюгавый мужичонка разбросал десяток парней, что твои жеребцы. Луна, мистер Томас, превращает безумца в тигра. Он, как говорится, самого Гектора перегекторит. Силы и ярости в нем, что в двадцати мужиках. А Дик, заметьте, не слабак, даже когда в разуме.

– И что ж вы?

– Лежу как мертвый, сэр, и только нащупываю саблю в изголовье кровати. Какой-нибудь мямля завопил бы «Караул!». Но я, отдам себе должное, не теряю головы, мистер Томас. Вытерпел до конца.

– А что было-то?

– Ну, припадок миновал. Малый снова прыг в постель и храпит себе. Но только не я, клянусь Георгием, о нет! Тим Фартинг знает свой долг. Всю ночь не сомкнул глаз, сидел с клинком наготове, буде припадок повторится. Скажу как на духу, друзья мои: очнись он хоть на миг, я б тотчас его зарубил, Бог свидетель. Наутро обо всем доложил мистеру Брауну. Он обещал переговорить с племянником. А тому хоть бы хны – мол, не тревожьтесь, Дик чудной, но безобидный. – Фартинг откинулся на стуле и пригладил усы. – Однако на сие дело у меня свой взгляд, мистер Томас.

– Уж можно думать.

– А мушкетон всегда под рукой. – Усач глянул на Доркас. – Не пугайся, дорогуша. Фартинг начеку. Здесь лиходей никому не навредит. Там тоже, – добавил он, когда взгляд девушки метнулся к потолку.

– Долго ль спуститься...

Фартинг скрестил руки на груди и языком подпер щеку:

– А вдруг там подыщут ему работенку?

– Какую же? – удивилась девушка.

– Ту, что мужчине не в тягость, детка.

Плотоядный взгляд растолковал намек усача; наконец-то поняв, горничная прикрыла рукой рот. Фартинг повернулся к хозяину:

– Говорю же, мистер Томас, Лондон – рассадник пакости. Служанка лишь обезьянничает госпожу. Нет ей, шалопутной, покоя, доколь не перемерит все срамные наряды. «Коль хозяйка бесстыдно шалит с лакеем, почему ж мне нельзя?» – думает она. И вот днем шпыняет бедолагу, а каждую ночь тащит к себе в постель.

– Довольно, мистер Фартинг! Слышала б моя женушка!..

– Молчу, сэ. Я б не завел сей разговор, не будь малый похотлив, как бесхвостый макак. Девицам вашим следует поостеречься. Давеча он уж было завалил одну, да я, по счастью, оказался рядом и воспрепятствовал мерзавцу. Терпенью конец. Он полагает, что все женщины сластолюбивы, как их праматерь, господи помилуй. Мол, им бы только задрать юбку – ждут не дождутся, чтоб он спустил штаны.

– Удивляюсь, что хозяин не задаст ему хорошую порку.

– Верно сказано, сэ. Очень верно. Однако будет об том. Как говорится, умный с полуслова поймет.

Разговор перешел на другие темы, но минут через десять вернулся глухонемой, и кухню точно обдало холодным сквозняком. Ни на кого не глядя, Дик сел на свое место. Все украдкой на него посматривали, будто выискивая яркие знаки его греховности. Но он вперила голубые глаза в стол, равнодушно ожидая новых унижений.

– Что, душу вытянул?

– Его паству, жилье, церковный совет и донаторов я проклял скопом и отдельно. Вас пригласили завтра отобедать, дабы угостить сим словоблудьем. От вашего имени я дерзнул отказаться.

– И никаких расспросов?

– В пределах учтивости. Лишь один объект вызывает глубинный интерес сего господина. Чужие заботы вне его границ.

– Ты растратил талант перед несведущей публикой. Сожалею.

Тяжелый взгляд актера, будто вросшего в пол возле камина, говорил, что шуточный тон мистера Бартоломью его не обманет.

– Полно, дорогой Лейси. Слово мое твердо: зла не помышляю и не творю. Никто не обвинит тебя в соучастье.

– Однако ж намеренья ваши не те, об коих я был уведомлен, верно? Нет, дозволейте сказать! Вопреки всем недомолвкам, я не сомневаюсь в вашем расположении ко мне, но опасаясь, что вы не столь благожелательны к себе.

– Считаем ли мы, что поэт лжет, когда говорит об встрече с музами?

– Так ведь понятно, что скрыто за сей словесной фигурой.

– Но лжет ли он?

– Нет.

– Ну, тогда и я тебе не солгал. Я жажду встречи с тем, кого почитал бы как невесту иль Музу, будь я поэт, и перед кем я слуга не выше Дика, нет, еще ничтожнее, с тем, кого доселе не давал увидеть ревнивый опекун. Возможно, я был неискренен в букве, но не в духе.

Актер бросил взгляд на бумаги.

– Вынужден спросить: почему свиданье с ученым незнакомцем окружено такой секретностью и назначено в глуши, коль ваша цель вполне благочестива?

Не скрывая сардонической усмешки, мистер Бартоломью откинулся в кресле:

– А ну как я из числа северных мятежников, да? Этакий Болингброк. Вон и бумаги исполнены тайнописью либо все по-французски да по-испански. Поди, я в заговоре с лазутчиком Якова Стюарта.

На миг актер смешался, словно его тайные мысли были угаданы.

– Аж кровь стынет, сэр.

– Взгляни, тут и впрямь какая-то шифра.

Актер взял листок, но тотчас поднял взгляд:

– Ничего не разберешь.

– Не колдовская ль тут магия? Что, если я забрался в трущобу, дабы свидеться с выкорышнем Аэндорской волшебницы? Видно, хочу обменять свою бессмертную душу на тайны загробного мира. Так сгодится?

Лейси вернул бумагу:

– Вам бы все шутки шутить, да только сейчас не время.

– Так перестанем молоть вздор. Я не причиню зла ни королю, ни державе, ни единому ее подданному. Ни тело, ни душа мои не пострадают. Разве что рассудок, но тут уж каждый сам волен. Возможно, я гонюсь за глупой несбыточной мечтой. Тот, с кем я ищу встречи... – Мистер Бартоломью осекся и бросил бумаги на столик. – Не важно.

– Сей человек в бегах?

– Больше ни слова, прошу тебя.

– И все ж, зачем понадобилось меня обманывать, сэр?

– Странно сие слышать из твоих уст, мой друг. Разве не ты посвятил свою жизнь обману?

От подобного выпада актер слегка опешил. Молодой джентльмен шагнул к огню и продолжил, не глядя на Лейси:

– Но я отвечу. Жизнь моя predetermined с самого рождения. Все, что я сказал об своем мнимом отце, справедливо для моего истинного папаши. Больше того, он старый дурак, породивший моего старшего брата. Как и тебе, мне предложена роль в пьесе, но отказаться от нее нельзя. Отметь разницу между нами. Коль откажешься играть, ты теряешь лишь деньги. Я ж теряю... неизмеримо больше. – Мистер Бартоломью повернулся к актеру. – У меня нет иного выбора, кроме как действовать украдкой. Вот и теперь я должен таиться от тех, кто заставляет меня плясать под свою дудку. Довольно. Больше ничего не скажу.

Лейси пожал плечами и кивнул, будто смиряясь с неведением.

– Завтра выедем вместе, но вскоре расстанемся. – Голос молодого джентльмена был ровен, взгляд прям. – Вы с напарником отправитесь по дороге, что ведет в Кредитон и Эксетер. Скачите во весь дух. Из Эксетера вернетесь в Лондон когда и как вам угодно. От вас требуется одно: сохранить в тайне все, что касается меня и нашего путешествия. Как условились.

– Разве девица не с нами?

– Нет.

– Я должен вам кое-что сказать. – Лейси помялся. – Джонс, то есть Фартинг, уверяет, что прежде ее встречал.

Мистер Бартоломью отвернулся к огню. Повисло молчание.

– Где?

– На входе в бордель, сэр. – Актер сверлил взглядом спину собеседника. – Мол, ему сказали, там она служит.

– Что ты ответил?

– Дескать, не верю.

– Молодец. Он ошибается.

– Однако, по вашему признанию, она и не горничная. Полагаю, вы знаете, что слуга ваш совсем ошалел. Фартинг же об том и поведал. Парня не отшили. – Актер запнулся. – По ночам он к ней шастает.

Мистер Бартоломью одарил его долгим взглядом, будто услышал дерзость.

– Разве мужу зазорно спать с женой? – саркастически усмехнулся он.

И вновь вопрос застал актера врасплох. Он потупился:

– Как угодно. Мое дело уведомить.

– Не сомневаюсь в твоих благих намереньях. Завтра мы все уладим и распрощаемся, но сейчас позволь поблагодарить тебя за содействие и терпенье. Я редко сталкивался с вашим братом. Ежели все актеры подобны тебе, я много потерял. Хоть я не заслужил твоего доверья, в сем прошу мне верить. Как жаль, что мы не встретились в более удачных обстоятельствах.

Актер ответил грустной ухмылкой:

– Надеюсь, еще встретимся, сэр. Помимо страхов вы разожгли во мне дьявольское любопытство.

– Первое отринь, второе угомни. По правде, все это лишь выдумка, сродни твоим пьескам. Но ведь и ты, при всей охоте знать, что будет дальше, не станешь представлять последний акт прежде первого. Так оставь и мне мои загадки.

– В моих пьесах финал известен, сэр. Его не утаишь.

– Я не могу огласить свой, ибо он еще не написан. Вот и вся разница. – Мистер Бартоломью улыбнулся. – Покойной ночи, Лейси.

Актер потоптался, будто хотел еще что-то сказать, но затем отвесил поклон и шагнул к выходу. Открыв дверь, он удивленно замер.

– Здесь ваш слуга.

– Пусть войдет.

Помешкав, Лейси бросил взгляд на безмолвного человека и, коротко махнув рукой, скрылся в темноте коридора.

Войдя в комнату, глухонемой закрывает дверь. Он пристально смотрит на хозяина, который отвечает ему таким же взглядом. Подобный перегляд выглядел бы странно, длись он секунду-другую, ибо слуга не выказывает ни малейшего почтения. Но взгляды скрестились надолго, словно эти двое безмолвно беседуют. Так смотрят друг на друга муж с женой или брат с сестрой, в людной комнате не могущие выразить свои истинные чувства; однако в глазах господина и слуги нет желания чем-то скрытно поделиться или на что-то намекнуть. Они смотрят так, будто перевернули книжную страницу и вместо ожидаемого диалога персонажей или, на худой конец, описания их действий увидели черный лист, а то и печатный брак – отсутствие страниц вообще. Оба молча смотрят друг на друга, точно в зеркало.

Наконец они оживают, как после стоп-кадра. Опустившись в кресло, мистер Бартоломью наблюдает за слугой, который подтаскивает к камину сундучок и, не глядя на хозяина, начинает скармливать красным угольям пачки рукописей, словно это всего лишь старые газеты. Бумага мгновенно занимается, а Дик, присев на корточки, тем же манером избавляется от книг в кожаных переплетах. Одну за другой он достает фолио, кварто и меньшие книжицы, на многих из которых оттиснут золоченый герб, и, раскрыв их, бросает в разгоревшееся пламя. Без видимых усилий две-три книги он рвет пополам, но в основном просто швыряет их в огонь, а затем грубой кочергой подгребает в кучу пухлые тома, что отвалились на сторону и плохо разгораются.

Мистер Бартоломью бросает в камин кипу бумаг со стола и, постояв за спиной сторбленного слуги, который поверх горячей бумажной груды укладывает пять-шесть поленьев, вновь занимает свой наблюдательный пост. Оба разглядывают небольшое пожарище столь же пристально, как перед тем смотрели друг на друга. По комнате мечутся плотные тени огненных языков, что несравнимо ярче пламени свечей. Мистер Бартоломью заглядывает в сундучок, удостоверяясь, что тот пуст. Похоже, так оно и есть, ибо молодой джентльмен закрывает

крышку и опять усаживается в кресло, ожидая финала сего непостижимого жертвоприношения, когда каждая страница и каждый бумажный клочок превратятся в пепел.

Немного погодя, когда сожжение почти завершено, Дик взглядывает на хозяина, и на лице его мелькает тень радостной улыбки того, кто понимает, зачем это сделано. Так улыбается не слуга, а скорее старинный друг или даже подельник в преступлении. Дескать, ну вот, разве не лучше, когда дело спроворено? Ответом ему столь же загадочная улыбка, после которой на мгновенье вновь возникает упорный перегляд. Однако на сей раз мистер Бартоломью его прерывает: из большого и указательного пальцев левой руки он складывает кольцо, которое резко протыкает другим указательным пальцем.

От изножья кровати Дик забирает длинную скамеечку и устанавливает ее в футах десяти перед камином, где еще теплится огонь. Потом раздергивает занавеси балдахина и, не взглянув на хозяина, уходит прочь.

В глубокой задумчивости мистер Бартоломью смотрит на огонь. Он недвижим до тех пор, когда дверь вновь не открывается. На пороге размалеванная девица из мансарды. Она приседает в книксене и неулыбчиво проходит в комнату. Следом возникает Дик; он затворяет дверь и остается возле косяка. Мистер Бартоломью снова отворачивается к огню, будто недовольный тем, что его обеспокоили, затем холодно смотрит на девушку. Он разглядывает ее, точно животное, изучая дымчато-розовый парчовый роб и в тон ему нижнюю юбку, кружевные манжеты рукавов в три четверти, перевернутый конус затянутого в корсет торса, вишнево-кремовый корсаж, веселенький белый чепчик с лентами, обрамляющими весьма неестественного оттенка лицо, и небольшое ожерелье из сердолика цвета запекшейся крови. Возможно, все это мило, однако выглядит жалким и неуместным, словно всю простоту и обаяние подменили искусственностью и претензией. Новое облачение не улучшает, но губит наружность девицы.

– А что, Фанни, не отослать ли тебя обратно к Клейборн? Дабы она высекла тебя за угрюмость твою.

Девушка замерла и молчит, не выказывая удивления, что ее называют иным именем.

– Не для ублаженья ли прихотей моих я нанял тебя?

– Да, сэр.

– Чтоб ты представила похабные шалости, французские, итальянские и прочие.

Девица молчит.

– Стыдливость гожа тебе, как шелка навозу. Сколько мужчин проткнули тебя за последние полгода?

– Не помню, сэр.

– Способы тож запомнявала? Прежде чем мы сладились, Клейборн все об тебе поведала. Французская хворь и та чурается твоей изъязвленной плоти. – Мистер Бартоломью разглядывает девушку. – Пред всяким лондонским соромником ты изображала мальчика. И облачалась в мужское платье, дабы потрафить его похоти. – Взгляд джентльмена неотступен. – Отвечай же: да иль нет?

– Я надевала мужской наряд, сэр.

– За что гореть тебе в геенне огненной.

– Не мне одной, сэр.

– Дважды будешь поджарена, ибо искус – в тебе. Неужто думаешь, что в гневе своем Господь не различит падших и совратителей? Не отделит слабость Адама от злоухищренья Евы?

– Не ведаю, сэр.

– Так знай же. А еще знай, что сполна окупишь потраченные мною деньги, угодно тебе иль нет. Видано ль, чтоб наемная кляча управляла наездником?

– Я исполняла вашу волю, сэр.

– Будто бы. Дерзость твоя неприкрыта, как груди твои. Ужель я настолько слеп, что не замечу тот взгляд твой у брода?

– Так то всего лишь взгляд, сэр.

– А цветочный пучок под носом твоим – всего лишь фиалки?

– Да, сэр.

– Лживая тварь.

– Нет, сэр.

– А я говорю – да. Я прочел твой взгляд и знаю, для чего понадобились зловонные цветки.

– Просто так, сэр. Я ничего не замышляла.

– Клянешься?

– Да, сэр.

– Тогда на колени. Вот здесь. – Мистер Бартоломью показывает на пол перед собой; помешкав, девушка встает на колени, голова ее опущена. – Смотреть на меня.

Взгляд серых глаз впивается в карие глаза на запрокинутом лице.

– Теперь повторяй: я срамная девка...

– Я срамная девка...

– Нанятая вами...

– Нанятая вами...

– Дабы всячески вас улаживать.

– Дабы всячески вас улаживать.

– Я Евино отродье, наследница ее грехов.

– Я Евино отродье...

– Наследница ее грехов.

– Наследница ее грехов.

– Повинна в дерзости...

– Повинна в дерзости...

– От коей впредь отрекаюсь.

– От коей впредь отрекаюсь.

– Клянусь.

– Клянусь.

– Иль гореть мне в аду.

– Гореть в аду.

Мистер Бартоломью долго не отводит взгляд. В его бритоголовой фигуре проступает нечто демоническое – не злость или какое иное чувство, но дьявольски холодное безразличие к женщине, стоящей перед ним на коленях. В нем угадывается доселе скрытая черта его природы, противоестественная, как напитавший комнату запах горелой бумаги и кожи: садизм (хотя де Саду до своего рождения еще четыре года блуждать по темным лабиринтам времени). Если бы кому понадобилось представить пугающий образ бесчеловечности, сейчас он был налицо.

– Отпускаю твой грех. Теперь обнажи мерзкую плоть свою.

Потупившись, девушка встает и начинает распускать шнуровку. Мистер Бартоломью сурово наблюдает из кресла. Девушка чуть отворачивается; затем присаживается на дальний край скамейки, куда сложила одежду, и, сняв подвязки, скатывает чулки. Голая, в одном лишь чепчике и сердоликовом ожерелье, она понуро складывает руки на коленях. В ней нет тогдашней модной мясистой: тело стройно, грудь маленькая, на очень белой коже никаких язв, что давеча поминались.

– Желаеть, чтоб он обслужил тебя?

Девушка молчит.

– Отвечай!

– Томлюсь по вашей милости. Но вам я не угодна.

– Да нет, томишься по его елде.

– То была ваша воля, сэр.

– Чтоб поглядеть, как ты резвишься в блуде, а не воркуешь голубицей. Познав прекрасное, не стыдно ль пасть столь низко?

Молчание.

– Говори!

Набычившись, девушка затравленно молчит. Мистер Бартоломью переводит взгляд на Дика; в глазах того и другого вновь мелькает загадочное выражение, словно они смотрят на пустую страницу. Хозяин не подал никакого знака, но Дик резко выходит из комнаты. Девушка удивленно взглядывает на дверь, однако ни о чем не спрашивает.

Мистер Бартоломью подходит к камину и, сгорбившись, кочергой аккуратно подгребаёт в огонь уцелевшие бумажные клочки. Затем выпрямляется и смотрит на тлеющие поленья. Медленно подняв голову, девушка разглядывает его спину. Какая-то мысль затуманивает ее карие глаза. Беззвучно ступая босыми ногами, она приближается к бесстрастной фигуре и что-то ей шепчет. О предложении ее догадаться нетрудно, ибо руки ее опасно, но умело обхватывают талию молодого джентльмена, а обнаженная грудь легонько прижимается к его обтянутой парчовым сюртуком спине, будто на парной верховой прогулке.

Мистер Бартоломью тотчас перехватывает ее руки, не давая им сцепиться.

– Ты глупая лгунья, Фанни. – Голос его вдруг утратил злобную желчность. – Я слышал твои стоны, когда давеча он тебя охаживал.

– То лишь притворство, сэр.

– Однако ж сладкое.

– Нет, сэр. Для вас хочу усладой быть.

Мистер Бартоломью молчит, и девушка вновь пытается его обнять, но теперь он отбрасывает ее руки.

– Оденься. И я скажу, как усладить меня.

– Я всей душою, сэр, – не отстаёт Фанни. – Так разъярю, что он восстанет, точно жезл, и уж на славу меня отдерете.

– У тебя нет души. Прикрой срам. Прочь!

Девушка одевается; мистер Бартоломью, отвернувшись, в глубокой задумчивости стоит у камина. Одевшись, девушка присаживается на скамейку и ждет; потом нарушает затянувшееся молчание:

– Я оделась, сэр.

Будто очнувшись, молодой джентльмен косится на нее, а затем вновь устремляет взгляд на огонь.

– Когда впервые ты согрешила?

Девушка не видит его лица, но, расслышав в голосе неожиданную нотку любопытства, медлит с ответом.

– В шестнадцать, сэр.

– В борделе?

– О нет. С хозяйским сыном, где была в служанках.

– В Лондоне?

– В Бристоле. Оттуда я родом.

– Он тебя обрюхатил?

– Нет, сэр. Его мамаша нас застучала.

– И дала расчет?

– Шваброй.

– Как оказалась в Лондоне?

– Голод пригнал.

– Ты сирота?

– К родителям дороги не было. Они Друзья.

– Что за друзья?

– Так прозывают квакеров, сэр. Хозяева были той же веры.

Мистер Бартоломью расставляет ноги и закладывает руки за спину.

– Что дале?

– Еще до того, как нас накрыли, дружок мой подарил мне перстенок, который спер из мамашинной шкатулки. Я знала: покража откроется и во всем обвинят меня, ибо сынка никто не очернит. Кое-как сбыла перстенок, приехала в Лондон, нашла место. Думала, свезло. Ан нет – хозяин стал меня домогаться. Пришлось уступить, чтоб не лишиться места. Но жена его обо всем вызнала, и я опять оказалась на улице, где стала б нищенкой, потому как честной работы найти не могла. Чем-то не нравилась я хозяйкам, а нанимают-то они. – Помолчав, Фанни добавила: – Нужда заставила, сэр. Как многих из нас.

– Не всех нужда превращает в шлюху.

– Оно так, сэр.

– Стало быть, ты растленна и похотлива по своей природе?

– Наверное, сэр.

– Значит, родичи были вправе тебя отвергнуть, хоть ученье их ложно?

– По делам моим, сэр. Вышла я кругом виноватая. Хозяйка вопила, что я околдовала ее сынка. Неправда! Он вырвал у меня поцелуй, он украл перстенок, хоть я не просила, он же понудил и к остальному. Отец с матерью слышать ничего не желали – мол, я отринула духовный светоч, я им не дочь, а сатанинское отродье, не дай бог испакошу сестер.

– Что за духовный светоч?

– Христовый свет. Так они веруют, сэр.

– А ты с тех пор не веришь?

– Нет, сэр.

– Не веришь в Христа?

– Не верю, что встречу Его на этом свете, сэр. Да и на том тоже.

– Ты веруешь в тот свет?

– Верую, сэр.

– Который для подобных тебе наверняка будет адом?

– Надеюсь, нет, сэр.

– Сие несомненно, как то, что эти дрова станут золой.

Понурившись, Фанни молчит, и мистер Бартоломью бесстрастно продолжает:

– Как несомненен земной ад, что уготован заветревшейся публичной девке. Ты кончишь сводней иль каргой в богадельне. Ежели прежде дурная хворь не заявит на тебя права. Иль хочешь на склоне лет стать еще одной Клейборн, приумножив свои грехи? Так не спасешься. – Он ждет ответа, но девушка молчит. – Что онемела?

– Я переменюсь, сэр. И уж точно не стану миссис Клейборн.

– Ну да, ты будешь добродетельной женой, и верещаний выводок детишек уцепится за твою юбку.

– Неродиха я, сэр.

– Так ты и впрямь лакомый кусок, Фанни.

Девушка медленно поднимает голову и смотрит в глаза собеседнику; похоже, она больше озадачена, нежели возмущена, его глумлением и пытается прочесть в его лице то, чего не поняла в речах. Однако происходит нечто непостижимое – холодное лицо мистера Бартоломью вдруг озаряется простой человеческой улыбкой, в которой нет ни цинизма, ни издевки. Дальше еще чуднее – он подходит к Фанни и, склонившись, подносит ее руку к губам. После поцелуя он оставляет ее в своих ладонях и, чуть улыбаясь, вглядывается в девичье лицо. Сейчас, вопреки

антуражу, бритоголовый мистер Бартоломью и размалеванная Фанни напоминают персонажей «галантного празднества» Вагто. Затем молодой джентльмен выпускает ее руку и возвращается в свое кресло, оставив девушку в полном недоумении.

– Зачем сие, сэр?

– Ужель вам не ведомо, зачем мужчина целует женскую руку?

Смена обращения окончательно сбивает Фанни с толку. Понурившись, она качает головой.

– Ради того, что вскоре вы отдадите, ангел мой.

Фанни вскидывает растерянный взгляд:

– Что ж вам угодно?

– Мы приблизились к водам, что исцелят меня. Помните, я говорил об них? Завтра мы встретим тех, кто охраняет сии воды, в чьей власти осуществить мои заветные мечты. В знак уваженья я поднесу им дар. К деньгам и драгоценностям они равнодушны. Даром станете вы, Фанни. – Мистер Бартоломью разглядывает девушку. – Что скажете?

– Только одно, сэр: я связана с миссис Клейборн и поклялась вернуться.

– Узы с дьяволом не в счет.

– Может, оно и так, сэр. Но только с теми, кто ее бросает, она хуже дьявола. Иначе нельзя, а то все разбегутся.

– Не вы ль минуту назад сказали, что желаете перемениться?

– Не в худшую сторону, – чуть слышно отвечает Фанни.

– Вас известили, что вы должны всячески ублажать меня?

– Да, сэр. Но не других.

– Я купил вас на три недели, верно?

– Да, сэр.

– Стало быть, я могу вами пользоваться еще две недели. Так вот, я повелеваю своей недешевой покупке: завтра вы постараетесь ублажить тех, на встречу с кем мы лелеем надежду.

В неохотной покорности девушка склоняет голову.

– Попомните каждое мое слово, Фанни, – продолжает мистер Бартоломью. – Пусть их манеры и наружность вас не обманут. Хранители вод не знают нашего языка, они лишь недавно прибыли из дальних краев.

– Я маленько говорю по-французски, знаю пару-тройку голландских слов.

– Сие без надобности. С ними следует изъясняться как с Диком. – Мистер Бартоломью умолкает, разглядывая склоненную девичью голову. – Вы хорошо себя проявили, Фанни. Мое неудовольствие было нарочным, я испытывал вас для своей подлинной затеи. Слушайте же. На родине хранителей нет женщин, подобных вам. Вы талантливы в изображенье стыдливой девственности. Такой вы должны предстать завтра. Никакого грима и убранства, никаких столичных замашек, блудливых взглядов и прочих примет вашего истинного ремесла. Вы – застенчивая провинциалка, воспитанная в скромности и не познавшая мужчин. Излучаете благонаравие, а не похоть и опытность, кои полчаса назад вы продемонстрировали мне, а ранее – тысяче других мужчин. Вам понятно?

– Как быть, ежели меня потянут в койку?

– Исполнять любое их желанье.

– Охота мне иль нет?

– Повторяю: их воля – моя воля. Что, у Клейборн вы тоже привередничали, словно высококордная леди?

Повисает тишина. Мистер Бартоломью разглядывает понурившуюся девушку. Сейчас в лице его нет циничного сарказма и былой жестокости, оно светится удивительным покоем и терпением. Молодой джентльмен выглядит уже не предтечей скинхедов, но буддийским монахом, невероятно уравновешенным и сдержанным, глубоко погруженным в себя и свои деяния.

Лишь во взгляде его мелькает непредсказуемый огонек полнейшего довольства, сродни тому, что на миг возник в глазах Дика, запалившего бумаги. Проходит не менее минуты, прежде чем мистер Бартоломью нарушает молчание:

– Подойдите к окну, Фанни.

Девушка поднимает голову – теперь ясно, отчего молчала она. Глаза ее вновь мокры от слез, тихих слез женщины, понимающей, что у нее нет выбора. В те времена человека редко воспринимали иначе как по наружности, да и сам он видел себя лишь тем, кем его сделали обстоятельства и рок. Тот мир, в котором людские судьбы были намертво зафиксированы, нам показался бы отвратительно незыблемым и тоталитарным по сути, тогда как нашу жизнь его затурканые обитатели сочли бы невероятно изменчивой, подвижной, по-мидасовски богатой свободной волей (хотя нашей нехватке абсолютов и социальной стабильности лучше не завидовать, а сочувствовать), где всем анархично, если не безумно, движут себялюбие и личный интерес. В слезах Фанни нет бессильного гнева, как решило бы современное самосознание, но есть тупая животная тоска, ибо жизнь обязывает сносить унижение, неотъемлемое от нее, как грязь от зимних дорог или младенческая смертность от деторождения (в тот вполне обычный месяц в Англии было зарегистрировано две тысячи семьсот десять смертей, около половины которых пришлось на детей моложе пяти лет). Нам даже не вообразить ту строго регламентированную жизнь, в которой не стоило ждать сострадания, свидетельством чему было бесстрастное лицо мистера Бартоломью.

– Делайте что сказано, – тихо повторяет он.

Поерзав, Фанни вскакивает и подходит к окну.

– Откройте ставень и выгляньте наружу. – Сидя в кресле спиной к окну, мистер Бартоломью лишь прислушивается к скрипу рамы. – Видите ли вы Спасителя на небесном троне подле Отца Его?

– Известно, нет, сэр, – оглядывается Фанни.

– А что там?

– Ничего. Тьма.

– Что во тьме?

Фанни бросает взгляд за окно.

– Только звезды. Небо чистое.

– Самые яркие мерцают?

Девушка снова выглядывает.

– Да, сэр.

– Отчего?

– Не знаю, сэр.

– Так я вам скажу. Они дрожат от смеха, ибо потешаются над вами от вашего рожденья и до самой кончины. Для них вы и весь ваш мир всего лишь цветная тень. Им все равно, верите вы в Христа иль нет. Грешница вы иль святая, потаскуха иль герцогиня. Им все едино, мужчина вы иль женщина, молоды иль стары. Им нет дела, что вам уготовано: рай иль ад, добро иль зло, муки иль блаженство. Вы рождены им на потеху, для коей куплены и мною. Под их светом вы всего лишь тварь, глухонемая, как Дик, и слепая, как сама Судьба. Они в грош не ставят вашу будущность, а ваше нынешнее прозябанье воспринимают как забавное зрелище, каким с высокого холма выглядит кровавая битва. Для них вы ничто, Фанни... Сказать, почему они тебя презирают?

Девушка молчит.

– Потому что не видят ответного презренья.

Фанни вглядывается в силуэт у камина.

– Как можно презирать звезды, сэр?

– А как ты выказываешь презренья человеку?

Девушка медлит с ответом.

– Отворачиваюсь, смеюсь над его желаньем.

– А ежели, скажем, сей человек – судья, кто несправедливо приговорил тебя к плетям и заточил в колодки?

– Стану доказывать свою невиновность.

– Но коль он не слышит?

Девушка молчит.

– Тогда придется тебе сидеть в колодках.

– Да, сэра.

– Разве сие правосудье?

– Нет.

– А теперь вообрази, что осудил тебя не судья, но ты сама и колодки твои не из дерева и железа, а из слепоты и глупости твоей. Что тогда?

– Невдомек мне, сэра, чего вам надобно.

Мистер Бартоломью подходит к камину.

– Гораздо большего, чем ты, Фанни.

– Чего?

– Довольно. Ступай к себе и спи, пока не разбудят.

Помешкав, девушка идет к двери, но возле скамейки задерживается, искоса глядя на молодого джентльмена:

– Скажите же, что вам угодно, милорд?

Ответом ей лишь взмах руки, указующей на дверь. Мистер Бартоломью поворачивается спиной, извещая о безоговорочном окончании аудиенции. Напоследок Фанни бросает еще один взгляд и, сделав никем не замеченный книксен, выходит из комнаты.

В тишине молодой джентльмен смотрит на умирающий огонь. Наконец переводит взгляд на скамейку, а затем отходит к окну и выглядывает наружу, будто сам хочет убедиться, что там одни лишь сияющие в небе звезды. Лицо его непроницаемо, но через миг с ним происходит еще одна парадоксальная метаморфоза: мужественные черты его размягчает та же кротость, что за все время одностороннего разговора читалась в лице девушки. Далее мистер Бартоломью тихо затворяет ставень и, расстегивая длинный жилет, шагает к кровати, где падает на колени и утыкается головой в ее край, словно человек, молящий о незаслуженном прощении, или малыш, ищущий спасения в маминой юбке.

Историческая хроника, 1736

А П Р Е Л Ь*

Выдержка из письма от 14 февраля 1736-6 из Саванна (в Джорджию)

Мы прибыли сюда пятого дня этого месяца; за это время здесь стало несравненно лучше: имеется около 200 домов и регулярной застройкой, из которых сплотило по 30 фунтов стерлингов за год. Г-н Остори, несмотря на крайне дождливую погоду, на следующей же день отправился осматривать прилегающие поселения, в которых есть несколько городов, организованных на английский манер, — а именно Бежок, Тандербол, Фортрайд, Уэстбрук и т.д., — все в процветающем состоянии, какого не достигала еще ни одна колония за столь короткое время. Хотя путь наш был долг и отягчен многочисленными бурями, мы прибыли, не потеряв ни единой души из одного из наших кораблей, конх числом было шесть, и каждый весьма велик. Г-н Остори во время плавания проявлял неустанную заботу о вверенных его попечению душах и телах. В величайшее изумление жено поверила уверенность в счастие его жизни, ведь хотя разнообразных яств у нас в избытке, он и киш почти не прирагивается, а ходит по лесам и в дождь и в ведро, как какой-нибудь индеец. Он настолько поворах всех своей добродетелью, что у меня нет слов, чтобы описать уважение, которым он здесь пользуется. Завтра он проедет на 80 миль в глубь страны, где ему предстоит основать город, рядом с которым, на реке Алтамахе, будет для обороны возведен форт с четырьмя батальонами. Зрелище земли богаты рыбой, прекрасными фруктами и дичью.

Воскресенье, апреля 4-го дня

Г-н Эндрю Питт, известный кавалер и пр., обратился к принцу Уэльскому с просьбой поддержать кавалерский баль о десятине.

* Все «Исторические хроники» в переводе О. Серебряной; примечания к ним того же переводчика.

Уильям Фоенер, эскайр
Фредерик Франклянд, эскайр
г-н Дюймс Гуалтиер
Генри Нил, эскайр
Чарльз Савадж, эскайр
Джеймс Силвман, эскайр
г-н Самуэл Тренч
Члены правления Ост-Индской компании:
Роберт Адамс, эскайр
Абрахам Адамс, эскайр
Майкл Бари, эскайр
Доддинг Брадфорд, эскайр
сэр Уильям Виллер, рыцарь
Стефан Биш, эскайр
г-н Рич Клант
капитан Рич Бултон
Кристофер Барроу, эскайр
Чарльз Колбури, эскайр
доктор Каллб Ноутсорт
г-н Джон Эмерсон
Самуэл Фик, эскайр
Гарри Гау, эскайр
г-н Самуэл Хайд
Майкл Ниши, эскайр
Доналд Ламбонд, эскайр
Балтазар Дайел, эскайр
Уильям Померой, эскайр
Джоуэн Реймонд, эскайр
Уильям Руф, эскайр
сэр Джон Соттер, рыцарь
Сент-Квентин Томсон, эскайр
Джозеф Вордсворт-мл.

Пятница, апреля 9-го дня

Уильям Бателс и Уильям Морган повешены в Вустере в наказание за учиненное под их предводительством разорение конторы по сбору дорожной пошлины в Лейбери. Морган умер католиком. Ввиду того что уравнили весьма буйствовали в суде, на казни присутствовал отряд солдат, в силу чего беспорядков отмечено не было.

Вторник, апреля 13-го дня

Доктор Шоу, ученый лекарь из Сварборо, был призован ко двору по случаю удивительного исцеления им генерала Саттона и предательств Его Королевскому Высочеству принцу Уэльскому, герцогу и принцессе; удостоившись столь многозначного приема, он имел честь обмыть им руки, какую честь уже оказывали ему Их Величества.

на что Его Королевское Высочество ответил следующее: «Будучи другом свободы вообще и терпимости в частности, я ратую за доверие к вам благосклонность, однако сам я не голосую в парламенте, а возить на своих друзьях или давать указания подданным не подобает моему положению. Предоставить им решать по собственной совести и разумению — вот правило, которое и для себя установил и которое стремился соблюдать всю жизнь». Глубоко впечатленный таким поступком, г-н Питт ответил: «Как будет угодно принцу Уэльскому! Я глубоко потрясен Вашим высоким понятием о свободе; ответ, который Вы нас удостоили, обрадовал нас более, чем если бы Вы удовлетворили нашу просьбу».

Вторник, апреля 6-го дня

Брайан Бенсон, эскайр, избран управляющим, а Томас Кук, эскайр, заместителем управляющего Английских банок, а в

Среда, апреля 7-го дня

следующие господа были избраны членами правления на 1736 год:

Роберт Алсон, эскайр
сэр Эдв. Безлами, рыцарь
Джон Банс, эскайр
сэр Джерард Комер, рыцарь
Дезильере Карбонвелл, эскайр
г-н Джон Эстон Додсворт
Натаниел Гульд, эскайр
Самуэл Холден, эскайр
г-н Бенджамин Лонгет
г-н Джозеф Нейе
Джон Рудж, эскайр
Мозес Рейнер, эскайр
Роберт Этвуд, эскайр
Уильям Свеллинг, эскайр
сэр Джон Томпсон, рыцарь
г-н Роберт Торнтон
Стеми Брукбанк, эскайр

Среда, апреля 14-го дня

Семеро приговоренных к каторге узников Ньюгейтской тюрьмы сумели скрыться в сточной трубе. Четверо из них поднялись на

А вверх через подвал дома № 3 по Флит-стейн, из конх трое бежали, выбравшись наружу через магазин, четвертый же был схвачен и возвращен в Ньюгейт. За остальными троими выслана погоня.

Четверга, апреля 15-го дня

В Неский Уилсон повешен в Эдинбурге за отрабление сборщика налогов Старка. Ввиду предпринятой им попытки побега, в результате которой его сообщникам удалось скрыться, магистраты употребили силы городской гвардии и валлийских фузилеров для обеспечения порядка на время казни, в силу чего беспорядков отмечено не было. Позже, когда палач сжимал труп (магистраты к тому времени уже удалились), мальчишки, по своему обыкновению, стали кидаться камнями и грязью, часть из которых угодили в солдат городской гвардии. Капитан Портуус открыл огонь и приказал стрелять своим подопечным, каковая стрельба окончилась ранением более 20 человек, шестеро или семеро были убиты, пуля попала в голову обывателя, наблюдавшего за казнью из окна второго этажа. Капитан и несколько его подопечных заключены под стражу.

Суббота, апреля 17-го дня

В Управлении прованта в присутствии нескольких унIFORMИОННЫХ покаян был эскиривант по заслоке говядины, состоящий в следующем: бычку пустили кровь, подрезав обе иремные вены, и когда он был почти мертв, добил ударом по голове, после чего всперолри брюхо и вынули потроха. Пока туша не окончена, в одну из артерий ближе к спине была вставлена трубка, в каковую и стали магнетать крепкий соленый раствор, дабы он проиош по всем сосудам и равномерно просолил всю тушу. При разделке туши, когда отрезаны были часть ноги и губа, рассол вышел наружу. Часть этого мяса была выставлена на обозрение и отправлена в море, дабы выжестить, как долго оно будет храниться.

Четверг, апреля 22-го дня

В пожаре, вспыхнувшим в верхнем Шаду-алле, догала сгорели три дома. В одном, принадлежавшем г-ну Стринджеру, погибла семидесятидвухлетняя тетка хозяйна. От огня пошлапла ее тело почти целиком, но затронула лишь ногу. Дом г-на Стринджера уже сгорел почти год назад в пожаре, именованном место здесь же.

Воскресенье, апреля 25-го дня

Принцесса Саксен-Готская прибыла в Гринвич, Ее Высочество в сопровождении лорда Делавара, нескольких дам придворе ее брата и собственной свиты выехали из Готы апреля 17-го дня, провел ночь в Касселе, затем в Нидерборне, вторник — в Монстере и в четверг достигли Утрехта, откуда в пятницу отправились на одной из государственных яхт в Гаагу, где их от лица принца и принцессы Оранских приветствовали великий пенсionario и один из членов правительств. В субботу около 10 часов утра они прибыли в Хелдербургские и без проведения вступили на борту яхты «Уэльс» леди Марии. В этот момент разыгралась буря, которая продолжалась на протяжении всего плавания (см. *Свежая с Восточным ветром, стр. 1–6*). Сегодня около 2 часов полудни Ее Высочество высадилась у Госпитали, откуда, поодиножоние экипажи тысяч зрителей, отправилась в одной из карет Его Величества в Кингз-хаус в парке. Ее Высочество казалась вполне удовлетворенной той радостью, коей было встречено их прибытие, и влиодножно выражала свои чувства на протяжении получасовой оуды из галереи в парке. Принц Уэльский явил Ее Высочеству визит, а Его и Ее Величество, герцог и принцессы передали приветствия.

Понедельник, апреля 26-го дня

Принц Уэльский отобедал с Ее Высочеством в Гриниче, в одной из комнат, обращенных к парку. Окна были открыты, дабы поощрить обществу лобознательству. После обеда Его Королевским Высочеством было устроено развлечение в виде водной прогулки на его нарядно украшенной барже до Тауэра и обратно, чему предшествовал музы-

кальный концерт. Корабли приветствовали Их Высочеств на протяжении всей прогулки, вывесив флаги и вымпелы. Вся река была усюзна лодками. Их Высочества отужали на зублине.

Вторник, апреля 27-го дня

Ее Высочество прибыла в карете Его Величества из Гринича в Ламбет, где пересекла реку. Из Уайтхалла Ее Высочество доставили в портшезе во дворец Сент-Джордсе, где находился двор столь многочисленный и роскошный, что не поддается никакому описанию. Принц Уэльский встретил Ее Высочество у парковых ворот, и когда она преклонила колени, чтобы поцеловать руку Его Высочества, он ласково поднял ее и дважды облобызал. Его Королевское Высочество ввела ее вверх по лестнице в покои Их Величества, где, представ перед королем, Ее Высочество опустилась на колени, чтобы поцеловать его руку, однако король ласково помог ей подняться, после чего поприветствовал. Затем Ее Высочество положем образом была представлена королеве, а после герцогу и принцессам, поздравившим ее с прибытием. Ее Высочество отобедала с принцем Уэльским и принцессами. В восемь процессия направилась в дворцовую кашелу; в ружейной салют возвестил парад о осоводини рук. Голову Его Высочества, адыканно убранную, венчала сплошь, усювная бриллиантами корона принцессы Уэльской с одним обручем; наряд Ее Высочества, как подобает принцессе Уэльской, являл собой жалитно мажливового бархата, а несколько рядов отвороченную горюстом, алыф коей поддерживали леди Каролин-Ленюк, дочь Его Светлости герцога Ричмонда, леди Каролин Фицрой, дочь Его Светлости герцога Графтона, леди Каролин Кавендиш, дочь Его Светлости герцога Девоншира, и леди София Феррар, дочь графа Шофрентекото, — все, как и принцесса, облаченные в серебрянстые платья немест, убранные бриллиантами стоимостью не менее 20–30 тысяч фунтов каждая. Впереди Ее Высочества шествовал Его Королевское Высочество герцог, сопровождал новесту Его Светлость герцог Графтон, гофмейстер двора, и лорд Харви, повоццаш гофмейстера, в свите следовали...

Барнстапл, июня 17, четверг

Шестью неделями ранее в приходском лесу, что отсюда в десяти милях, собственноручно повесился неизвестный, факт чего засвидетельствован коронером, первоначальные изысканья коего не смогли выявить ни имени самоубийцы, ни причин его богомерзкого поступка, однако новые сведенья вселяют опасенья в гораздо худшем злодеянье. Стало известно, что покойник — глухонемой слуга джентльмена по имени Бартоломью, кто в последний день апреля в компании трех спутников направлялся в Бидефорд, но с той поры об нем или его попутчиках никто не слышал. Допустимо, что в припадке безумного помешательства немой слуга всех убил, а тела спрятал, но затем, охваченный раскаяньем и страхом перед возмездьем, положил конец своей злосчастной жизни; вот только странно, что поныне никто из друзей мистера Бартоломью об нем не справился.

«Вестерн гзетт», 1736 г.

Показанья Томаса Паддикуома, под присягой взятые на допросе июля тридцать первого дня в десятый год правленья монарха нашего Георга Второго, милостью Божьей короля Великобритании, Англии и прочая

От роду мне трижды по два десятка да еще шесть лет. Вот уж годов сорок я хозяин гостиницы «Черный олень», которой прежде владел мой отец. Я знатный гражданин нашего города, трижды был его мэром, одновременно исправляя должность судьи.

В: Итак, мистер Паддикуом, вначале прошу вас подтвердить, что на миниатюре, кою я вам показал и вновь показываю, изображен молодой джентльмен, месяца три назад вместе с компаньоном останавливавшийся в вашей гостинице.

О: Кажись, он, сэр. Шибко похож. Ей-богу, он. Только здесь одет побогаче.

В: Рассмотрите лицо. Платье не важно.

О: Так и есть. Он самый.

В: Прекрасно. Когда они прибыли?

О: В последний день давешнего апреля. Я хорошо запомнил, век не забуду.

В: В котором часу?

О: Часа за три до заката прискакал ихний нарочный – заказать комнаты и еду. Мол, они скверно отобедали, в брюхе урчит.

В: Его имя?

О: Фартинг. Потом он воротился за остальными, и все они, как было обещано, прибыли где-то в седьмом часу.

В: Всего пятеро?

О: Дядя с племянником, двое слуг и девица.

В: Господа представились мистером Брауном и мистером Бартоломью?

О: Так, сэр.

В: В их манерах ничто не показалось вам странным?

О: Тогда – нет. Лишь опосля известных событий.

В: А тем вечером?

О: Да нет, сэр, едут себе и едут в Бидефорд. Ни с тем ни с другим я двух слов не сказал. Молодой сразу прошел в свои покои и до самого отъезда носа не казал. Об нем я знаю не больше, чем об случайном прохожем. Отужинал, почивал, проснулся, откушал завтрак. Все в четырех стенах. Потом уехал.

В: А дядя?

О: Добавить нечего, сэр. Правда, после ужина он чваевничал с мистером Бекфордом и...

В: Кто таков?

О: Наш викарий. Пришел засвидетельствовать господам почтение.

В: Они были знакомы?

О: Полагаю, нет, сэр. Когда я об нем доложил, его имя ничего не сказало.

В: Как скоро он появился?

О: Через час, как они приехали. Може, больше. Господа уж откушали.

В: Но они с ним говорили?

О: Вскоре мистер Браун сошел вниз, и они с мистером Бекфордом уединились в гостиной.

В: То бишь дядя? А что племянник?

О: Беседовал только дядя, сэр.

В: Как долго?

О: С часок. А то и меньше.

В: Вы слышали, об чем они говорят?

О: Нет, сэр.

В: Ни единого слова?

О: Ни словечка. Им прислуживала Доркас. Сказывала...

В: Мы ее выслушаем. Говорите об том, что сами видели и слышали.

О: Я подвел мистера Брауна к мистеру Бекфорду. Они раскланялись, обменялись учтивостями, но мое дело маленькое, я пошел приглядеть за чваем.

В: Они поздоровались как чужаки иль как знакомцы?

О: Как чужаки, сэр. Мистер Бекфорд частенько так делает.

В: Что именно?

О: Ну, знакомится с проезжающими, какие из образованных.

В: То бишь встреча была случайной?

О: По всему, сэр.

В: Позже мистер Бекфорд поведал вам об теме их беседы?

О: Нет, сэр. Лишь просил хорошенько заботиться об господах. Мол, дядюшка – знатный лондонец, едет по христианскому делу. Так и сказал, сэр: по христианскому делу.

В: Какому именно?

О: Не уточнил, сэр. Но в кухне Фартинг открыл, почто они едут. Дескать, в Бидефорде молодой джентльмен намерен почтить свою тетушку. Богатую, мол, даму, сестру мистера Бра-

уна. Зажиточна, что твоя султанша, так он выразился. А лондонская, стало быть, девица предназначалась ей в услуженье.

В: Но в Бидефорде таковой дамы не числится?

О: Нет, как опосля выяснилось. Я тогда ж сказал, что об ней не слыхал, но Фартинг отмахнулся – мол, неудивительно, тетушка живет уединенно и не в самом городе, а в предместье. Набрехал, подлец – оказалось, нет там этакой леди.

В: Что Фартинг говорил об заняты мистера Брауна?

О: Мол, лондонский купец, олдермен, обременен семейством, а после смерти брата и невестки опекает племянника.

В: Сей племянник не унаследовал состоянья?

О: Дескать, все растранижил и спустил. Так я понял. Только опять же вышло вранье.

В: Что-нибудь говорилось об покойных родителях мистера Бартоломью?

О: Ничего, сэр. Лишь об том, что сынок заносчив.

В: Хорошо. Теперь подробнее об слугах.

О: Извольте, сэр, не затруднюсь. Однако ж об том, которого нашли, мне и сказать-то нечего.

В: Как его имя?

О: Все называли Диком, сэр. Фартинг поведал нам всякие байки, что не для девичьих ушей. Уж миссис Паддикуом меня разбранила, воротившись домой. Она ездила в Молтон, где наша младшенькая разрешилась от бремени...

В: Понятно, мистер Паддикуом. Что за рассказы?

О: Будто бы малый лунатик, да еще и распутник. Но только Фартингу веры нету. Он же валлиец. Им верить нельзя.

В: Точно ль валлиец?

О: Как пить дать, сэр. Первое – его выговор. Потом еще бахвальство – дескать, он бывалый флотский старшина, такого повидал, что нам и не снилось. Распустил хвост перед девицами. Что до похоти, так на себя б посмотрел, прежде чем другого поносить.

В: То бишь?

О: Я узнал уж после их отъезда, девица оробела сразу-то сказать. Служанка моя, Доркас, сэр. Фартинг звал ее ночью пошалить. Предлагал шиллинг. Только она девица благонравная – обещалась, но не пришла.

В: Об чем еще он говорил?

О: Да все больше похвалялся своим геройством и воинскими подвигами. Пускал пыль в глаза. Мистера Брауна величал приятелем, когда всего-навсего его слуга. Шуму от него, что от драгунской роты. Шалопай, сэр, имечко ему под стать – звонкий медяк. И уехал-то скрытно, до свету.

В: Отчего так?

О: Бог его ведает, сэр, оседлал коня и, не сказав ни слова, на рассвете отбыл.

В: Может, его выслали вперед?

О: Мы встали, а его и след простыл – вот все, что я знаю.

В: То бишь он уехал без ведома хозяина?

О: Не скажу, сэр.

В: Мистер Браун выказал удивленье его отъездом?

О: Нет, сэр.

В: А другие?

О: Никто, сэр. Об нем не поминали.

В: Однако вы считаете, в том есть какая-то загадка?

О: Накануне вечером об раннем отъезде он ничего не говорил.

В: Каких он лет?

О: Сказывал, дескать, еще мальчишкой-барабанщиком участвовал в баталии восемнадцатого года, из чего заключаю, что ныне ему лет тридцать с хвостиком, на кои он и выглядел.

В: Кстати, об его наружности: не имелось ли каких-либо особых примет?

О: Разве что усищи, распушенные, точно у ряженного турком. А так рослый и горазд покушать, что подтвердят мои стол с погребом. Жрал и пил, оглоед, в три горла, аж кухарка моя окрестила его едунчиком.

В: Но с виду малый крепкий?

О: Пожалуй, только с виду, не будь я Паддикуум.

В: Какого цвета глаза?

О: Темные. И шныряют, как у пройдохи.

В: Не заметили шрамов, рубцов иль чего подобного?

О: Нет, сэр.

В: Хромота, спотычная походка?

О: Не заметил, сэр. Поди, все его сраженья по пьяному делу шли в тавернах.

В: Ладно. Что насчет второго, Дика?

О: Тот ни слова не промолвил, сэр. Потому как без языка. Но по глазам его я понял, что Фартинга он чтит не больше моего. За что ни капли его не осуждаю, ибо усач вел себя с ним как с великопостным чучелом. А парень-то он, по-моему, справный.

В: Помешанным не выглядел?

О: Простакон, сэр. Что велят, то и сделает, не боле. Словно собака: все понимает, а сказать не может. Ну прям несчастный пес, ей-богу. А парень-то ладный, я б такого взял в услуженье. По-моему, он безобидный. Что б сейчас об нем ни говорили.

В: И похоти не выказывал?

О: Фартинг молол всякий вздор, когда парень отнес воду в мансарду да там маленько замешкался. А мы уши-то развесили.

В: Девиц ваших не домогался?

О: Нет, сэр.

В: Сия приезжая девица... Как, бишь, ее звали?

О: Как-то чудно, сэр... наподобие французского короля, будь он неладен... Луиза! Иль что-то вроде того.

В: Француженка?

О: Нет, сэр. По выговору родом из Бристоля иль соседних краев. А вот манеры под стать французским, как я об них слышал. Однако Фартинг сказывал, что нынче в Лондоне такая мода – служанки обезьянничают хозяек.

В: Она приехала из Лондона?

О: Так было сказано, сэр.

В: А выговор, стало быть, бристольский?

О: Да, сэр. Ужин ей подали в комнату, где она обитала одна. Такое нам чудно. Фартинг шибко бранил ее изящные манеры. А вот Доркас сказывала, что в речах девица ласкова и вовсе не заносчива. Просила извиненья, что ужинает отдельно – дескать, мигрень замучила. Но я-то полагаю, Фартинг ей был невыносим.

В: Что ее наружность?

О: Изрядно миловидная, сэр. Девица малость бледна и по-городскому тщедушна, не в теле, однако лицом хороша. Особливо карие глаза – этакие печальные, будто олени иль заячьи... Недоверчивые... И хоть бы разок улыбнулась...

В: В каком смысле «недоверчивые», мистер Паддикуум?

О: Ну, удивленные, сэр, – мол, как же ее к нам занесло-то? У нас говорят – глядит, точно рыба на сковородке.

В: Неразговорчива?

О: Только с Доркас и перемолвилась.

В: Может ли статья, что под личиной служанки скрывалась благородная персона?

О: Что ж, сейчас кое-кто обзывает ее авантюристкой.

В: Хотите сказать, беглянкой?

О: Я ничего не хочу, сэра. Так выражаются кухарка Бетти и миссис Паддикуум. Мое дело маленькое.

В: Хорошо. Теперь важный вопрос. Что плут Фартинг говорил об повадках мистера Бартоломью? Не казался ли тот человеком, кто жил не по средствам и теперь против воли вынужден пасть к ногам тетушки?

О: Не могу знать, сэра. С виду нетерпелив, привык командовать. Как вся нынешняя молодежь.

В: Вам не показалось, что он знатнее, чем представляется, и родом из иной среды, нежели его дядюшка-купец?

О: По всем замашкам он благородный господин, другого не скажу. Разве что выговор у них разный. Мистер Браун ни дать ни взять лондонец, а племянник молчалив, но будто бы с Севера. Изъяснялся он подобно вам, сэра.

В: К дяде был почтителен?

О: Скорее внешне, чем от души, сэра. Я еще удивился, когда он занял лучшую комнату. За приказами я обращался к мистеру Брауну, но отдавал их племянник. К пастору отправился дядя и прочее. Хотя все было учтиво.

В: Много ль он пил?

О: Отнюдь, сэра. По приезде глоток пунша, пинта глинтвейна, а к ужину бутылка отменной мадеры. Так и осталась недопитой.

В: Кстати, в котором часу они отбыли?

О: Кажись, в восьмом, сэра. Майский день, хлопот полон рот, я не подметил.

В: Кто оплатил постой?

О: Мистер Браун.

В: Щедро?

О: Весьма. Пожаловаться не могу.

В: Они поехали по бидефордской дороге?

О: Да, сэра. Во всяком случае, справились у моего конюха Иезекиля, как им выехать из города.

В: В тот день больше вы об них не слышали?

О: Лишь от тех, кто их встретил, едуци на праздник. Гости спрашивали, что привело их сюда, не у меня ль квартировали.

В: Просто из любопытства?

О: Да, сэра.

В: Но в тот день больше никаких вестей об них?

О: Ни словечка, сэра. Лишь через неделю пронесся слух об цветочнике.

В: Об ком?

О: Этак прозвали бедолагу Дика, поскольку других примет не имелось. Но прежде позвольте об кобыле, сэра. Поперву я не смекнул, об чем речь. Было сие за полдень второго мая. Давний мой знакомец, некто Барнкотт из Фремингтона, приехавший по своей надобности, рассказал о беспризорной лошади, что встретила ему на дороге. Скотина в руки не давалась, а время поджимало, так что он плюнул и поехал себе дальше.

В: Что за лошадь?

О: Старая доходяга, сэра. Ни сбруи на ней, ни уздечки, ни седла. Об том Барнкотт мимоходом помянул, полагая, что лошадь удрала с выпаса. Дело привычное, поскольку в наших-то лошадках сильна примесь диких коней, а те кочуют, что твои цыгане.

В: То была выючная лошадь?

О: Об том я уж после смекнул, сэ. Пока Дик не нашелся, и мысли не возникло.

В: Как вы узнали об находке?

О: От прохожего, что шел в Даккум и видел мертвое тело на плетне.

В: Далеко ль отсюда Даккум?

О: Хорошая лига, сэ.

В: Как и где обнаружили труп?

О: Пастушок его нашел. В чащобе, что зовут у нас Ущельем.

Торфяники, непроходимые места. Кое-где овраги – куда твоей пропасти. В той чаще скоко хошь виси – не найдут.

Да вот Господь иначе распорядился. Там хорям раздолье, но никак не смертному человеку.

В: Неподалеку и лошадь видели?

О: В миле, на дороге.

В: Что за байка об цветах?

О: Все правда, сэ. Так и на дознание было сказано. А я слышал от того, кто разрезал петлю и доставил мертвеца к опознанию, где бедолагу привязали к столбу, а уж потом зарыли возле Даккумского Креста. Из рта покойника торчал букетик фиалок, с корнем вырванных, но во всем цвету. Многие сочли сие колдовством. Однако те, кто учены, говорят, мол, цветы произросли из праха, в каковой все мы обратимся. Мой рассказчик ничего чуднее не видел: этакая красота на почерневшем лице.

В: Вы не догадывались, кто сей мертвец?

О: Нет, сэ. Даже после приезда следователя не смекнул. Сами посудите – целая неделя прошла. И Даккум в другом приходе. Гостей-то было пятеро, поди сообрази, что один из них скверно кончил, и никто не всполошился об остальных.

В: Что дале?

О: А потом, сэ, неподалеку от дороги, где начинается Ущелье и видели старую кобылу, нашли окованный медью сундучок. Вот тогда-то мне стукнуло, и я скоренько поделился своими мыслями с нашим мэром мистером Таккером, с кем приятельствую. Затем я, мистер Таккер, аптекарь мистер Экланд – он городской писец и кое-что смыслит в законах – и Дигори Скиннер, наш жезлоносец и констебль, сколотили posse comitatus, чтоб во всем разобраться и куда следует доложить.

В: Когда сие было?

О: В первую неделю июня, сэ. Мы поехали туда, где был найден сундучок, и я тотчас признал в нем имущество молодого джентльмена мистера Бартоломью. В утро отъезда конюх Иезекиль помогал увязывать ихний багаж и сейчас подтвердил мое мнение. Потом я взглянул на лошадь, кою к тому времени уже взнуздали и поставили на соседней ферме. Она тоже оказалась знакомой, сэ. Сел я и крепко призадумался, а затем поспрошал об цветочнике. Человек, видевший мертвеца, поведал, что тот был светловолос и голубоглаз. Тут уж сомнений не осталось, и мистер Экланд все как есть отписал дознавателю в Барнстапл.

В: Своего коронера у вас нет?

О: По уставу положен, сэ. Но место вакантно. Пустует. Так что призвали из Барнстапла.

В: Доктора Петтигрю?

О: Его, сэ.

В: Сундучок был спрятан?

О: Забросили в росточь, густо обросшую кустарником, шагах в четырехстах от дороги. Но тот, кто нашел, сквозь листву заметил сверканье меди.

В: Что такое «росточь»?

О: Водороина, сэ. Овражек.

В: Труп тоже был найден неподалеку, верно?

О: Так точно.

В: Сундук был пуст?

О: Как ваш стакан, сэр. Правда, ходит одна небылица, Доркас вам расскажет. Мол, прежде сундук ломился от золота. Но она видела его открытым – все враки.

В: Мы ее спросим. Был ли у путников иной багаж?

О: Был, сэр. Большой кожаный баул и еще всякое. Но боле ничегошеньки не нашли.

В: Хорошо ль смотрели?

О: Десять человек искали, сэр. Да еще констебли. Шибко опасались найти еще мертвецов – ну как всех подстерегли да порешили? Кое-кто полагает, так оно и случилось, да только неведомо, где искать.

В: Тогда почему ж Дика не спрятали?

О: Не ведаю, сэр. Все загадка. Одни говорят, он всех умертвил, трупы закопал, а потом в отчаянье и на себя руки наложил. Другие считают, он был в сговоре с убийцами, но раскаялся, и ему заткнули рот – представили дело самоубийством, но шибко торопились и тело не спрятали.

В: В ваших краях пошаливают?

О: Благодаренье Богу, лет двадцать ни об чем этаким не слыхивали.

В: В таком разе ваша вторая версия не выглядит убедительной, мистер Паддикуом.

О: Мне тоже сумнительно, сэр. Я лишь повторяю, что люди говорят. Одно определенно: злодеянье свершилось там, где нашли кобылу и сундук. И я скажу вам почему, сэр. Проедь они еще чуток – и уже Даккум. Майский день, на улицах людно, их бы приметили.

В: Однако никто их не видел?

О: Ни один человек. Они не проезжали.

В: Другие дороги там есть?

О: Не для благоразумного путника с тяжелой поклажей. Да они и не знали тех дорог, ведь не местные. Пусть даже знали, иные пути не с руки, коль взаправду направляешься в Бидефорд.

В: Там об них справлялись?

О: Да, сэр. Но след уж остыл. Людный город, полно приезжих.

Сыщики доктора Петтигрю вернулись несолоно хлебавши.

На повторном следствии об том говорилось.

В: В ту ночь, что они провели под вашим кровом, не было ли какой свары, гневных слов?

О: Ничего, сэр.

В: Кроме мистера Бекфорда, их кто-нибудь посещал? Посыльный, незнакомец?

О: Никто, сэр.

В: Не опишете ль наружность мистера Брауна?

О: Да что ж, сэр... лицом свиреп, повадкой мягок.

В: Что, свиреп?

О: Скорее суров. Навроде ученого лекаря.

В: Как-то не вяжется с его занятием. Ведь он, вы сказывали, купец?

О: Не могу знать, сэр. Лондон мне неведом. Там большие люди, нам не чета.

В: Но толст он иль худ? Какого росту?

О: Да все эдак средне, сэр. Но осанист.

В: Каких лет?

О: Пожалуй, около пятидесяти. Может, чуть больше.

В: Имеете что добавить к допросу?

О: Сейчас ничто на ум нейдет, сэр. Уверьтесь, важного не пропустил.

В: Хорошо, мистер Паддикуом, благодарю вас. Об следствии моем ни слова, как я предупредил.

О: Так я ж поклялся, сэ. Истинной церковью и королем. Слово мое олово. Я не сектант какой, не еретик. Хоть кого спросите.

Jurat tricesimo uno die Jul.
anno Domini 1736 coram me
Генри Аскью

Историческая хроника, 1736

М А Й

Суббота, май 1-го дня

Общее собрание «Благотворительной корпорации» распорядилось в пользу самого решительного преследования ее бывших директоров.

От лица Его Королевского Высочества принца Уэльского, лорд Балтимор устроил обед на площади Гросвенор, приглашение на обед последовало в ответ на подражание лорд-мера и членов Совета, кои Его Королевское Высочество приняла с присутствием. На одном из них снискодежил и неодолился. Среди прочих любезностей он выразил свое сожаление, что принцесса не так хорошо говорит по-английски, чтобы на этом языке ответить на их подражание, но что он будет отвечать за нее, а она вскоре непременно выучит язык, после чего повторился у сэра Джона Бернарда, понимает ли тот по-французски и может ли повторить с Ее Королевским Высочеством на этом языке. Иначе извинившись, сэра Джон обратился к охермеру Годесхолду, который при содействии охермера Лекесе в краткой и приятнейшей речи поздравил принцессу, снискав ее милостивый ответ.

В час ночи, а также в полночь предшествующего дня в Шотландии, в Оркнейских горах, весьма много указавшее землетрясение, разрушившее несколько домов и заставившее людей спасаться бегством. Землетрясение сопровождалось грозным подземным рокотом.

Понедельник, май 3-го дня

Невзирая на урок, преподанный в прошлом месяце (см. с. 229), население Херефордшира снова разорило контору по сбору дорожной пошлины.

Четверга, май 6-го дня

Его Величество в Совете распорядился, дабы в утренних и вечерних молитвах, литаниях и всех прочих частях публичной службы, как и в приуроченных к особым случаям службах, следовало читать Молитвы Книге, предписывающей особо молиться за королевскую семью, соблюдалась таковая форма.

За Его Святейшее Величество короля Георга, нашу милостивую королеву Барбару, Их Королевские Высочества Фредерика, принца Уэльского, принцессу Уэльскую, герцога, принцесс и всю королевскую семью.

Пятница, май 7-го дня

Несколько купцов из Дублина собрались в Толдесе, дабы изыскать средства для предотвращения изменения в цене монет, дабы обратиться к лорду-наместнику доктору Дорсету. Его преподобно настоятель Санта, равно как оба их представителя в парламенте, были с ними же. Настоятель изложил владческие последствия, кои ожидают оное королевство, ежели монеты потеряют в ценности. Невзирая на выказанное ирландскими купцами речение, автор статьи в «Дейлах адвентрайзер» за 10 мая не только возлагает на них ответственность за ошибку, кою они допустили, но и нашу гиннею до 23 шиллингов, лундор — до 30 шиллингов, а наш шиллинг — до 13 пенсов, но и утверждает, что их намерение, совершенно очевидно, состояло в том, чтобы можно было извлекать выгоду из ввоза денег в Ирландию, тогда как ввоз обратный их в Великобританию приносил бы лишь потери; и повелу сделано это было самовольно, делая это противозаконно и не принося ни к чему хорошему. Оне-де с таким замыслом ценность золотой монеты, вследствие чего почти полностью лишились серебра. Тем не менее автор доуясняет, что гиннею следует поднять (однако с разрешения властей и сразу в обоих королевствах) до 24 шиллингов 6 пенсов, а шиллинг — до 13 пенсов, чтобы подданные Его Величества могли торговать друг с другом и с соседями на равных, небрежение каковым обстоятельством он полагает за громадную потерю для Великобритании.

Вторник, май 4-го дня

На заседании совета охермеров, состоявшемся в ратуше, Дени Хаммонд, эсквайр, видный адвокат с Николас-лейн, был приведен к присяге на должность городского инспектора, за право занять каковую было им уплачено 3600 фунтов.

Среда, май 5-го дня

Его Величество посетили заседание палаты лордов и дали королевскую санкцию на законопроект, предписывающий вынести на рассмотрение законопроект о натурализации принцессы Уэльской, а также санкционировали: бальо в Ливне, законопроект об улучшении уличного освещения в Лондоне, несколько законопроектов о дорогах, а также несколько частных биллей, общим числом 41.

В суде Маршалей в Саутварке рассматривался иск Уильяма Беркинза, плотника, к знаменитому Джулиану Брауну, известному также под именем Джулиано Бруно, итальянцу (чье свидетельство послужило в свое время единственным основанием для обвинения Уригбока, Берда, Раффета, Камбелла и Чемберлена в ограблении доктора Ланкастера). Иск касался плотничьих работ по уборству священной лавки и пр. в Кузуберн, принадлежавших упомянутому Брауну. Присяжная, что таковые работы были произведены Брауну в доказательство произведенной им оплаты предоставил чек, выданный им Беркинзу за работы, произведенные в 1731 году, переписав год на 1734. Суд нашел подделку очевидной и вынес решение в пользу истца, чье дело было удержано судом, дабы послужить основанием для дальнейшего преследования по закону упомянутого Брауна, к полному удовлетворению всех присутствовавших в суде.

Суббота, май 8-го дня

Генри Джастиса из Миддл-Темпла, эсквайра, судил в Олд-Бейли за кражу книг из библиотеки Тринити-колледжа в Кембридже. В свое оправдание Джастис сказал, что был в 1734 году допущен в упомянутый колледж студентом с приятельской обидой за Высоким столом, в силу чего стал членом оной корпорации и мог рассматривать книги как своей собственностью и, следовательно, не может быть обвинен в преступлении уголовном, и подтверждение чего зачитал суду некоторые статьи из их устава и уложений. Однако же после запутанной дебатов выяснилось, что оный Джастис был лишь пансионером, или же жильцом, выражаясь словами Устава, дарованного королем Генрихом VIII и королевой Елизаветой. Присяжные признали его виновным во вменяемом ему уголовном преступлении, что с учетом смягчающих обстоятельств влечет выссылку в заморские колонии.

Понедельник, май 10-го дня

Будучи приведенным в суд для оглашения приговора, г-н Джастис ходатайствовал перед судом, сославшись на полномочия последнего, заменить выссылку за границу клеветливой речью — во-первых, ради благополучия его семьи, посылку выссылка станет огромным ударом как для детей его, так и для его клиентов, с некоторыми из коих он имеет дела, каковые в настоящее время не уладить, а во-вторых, ради университета, ибо у него имеется множество принадлежащих оному университету книг, кое-какие вручены друзьям, а также отправлены в Голландию, так что, буде он выслан, он не сможет их возвратить. Что же до него самого, то, имея в виду обстоятельства, в каковых он очутился, он бы скорее отправился в ссылку, ибо привык пользоваться доброй славой, какою он пользуется, и надеется, что университет будет за него ходатайствовать. Помощник судьи выразил сочувствие его обстоятельствам и разъяснил, сколь сильно его преступление отягчено образованием его и профессией, после чего объявил, что тот приговаривается к ссылке в одну из американских колоний Его Величества на семь лет.

Приговорены к смерти: Стефан Коллард за кражу серебряных часов, Джордж Уорд за ограбление г-на Гибсона, пекаря из Аллингтона, Томас Тартон за кражу лошади, Дэвид Мэдден за кражу серебряной кружки, Джек Гланни за кражу 12 новых платков, Кристофер Фримен за кражу мокрого белья, Френсис Оуэн за поджоги на постоялом дворе Бесл на Уорвик-лейн.

Четверг, май 13-го дня

Неизвестный господин похоронил 1000 фунтов в пользу Общества распространения Священного Писания в чужих краях, 1000 фунтов в пользу бедных, 1000 фунтов в пользу Корпорации сыновей духовенства, для бедствующих идов, и 500 фунтов на распространение христианского учения.

Собралась в Эдинбурге Генеральная ассамблея шотландской церкви избрала своим модератором г-на Лайбана Макнотта; состоялся дебаты касательно ответа на письмо короля, но в конце концов по общему согласию решено было вставить следующие слова: «уверяем, полагаясь на великодушие Его Величества, что сия церковь будет все же избавлена от обидного для нее патронажа».

Понедельник, май 17-го дня

Сотня осужденных преступников пропущена из Ньюгейтской тюрьмы в Блэкфрайерс, откуда на закрытом лихтере была доставлена на борт корабля, стоящего в Блэкуолле. Однако же поворотившийся в руках Риток, а также господа Раффелд, Воган и Берд отправились в Блэкуолл в вагонных экипажах; в другом экипаже Генри Джастис, эсквайр, младший барристер, и Джонатан Форвард, эсквайр. Эти пятеро знатных особ были размещены в каютных помещениях, каковые они наполнили в изобилии провизиями и проч. на время воюя и странствий.

Четверг, май 20-го дня

Его Величество посетили заседание палаты лордов и дали королевскую санкцию на принятие акта, наделяющего Его Величество правом издавать закон на 600 000 фунтов, дабы выплатить миллион ежегод-

ных выплат «Компании Южных морей»; акта о натурализации Ее Королевского Высочества принцессы Уэльской; строительства моста через Темзу в районе Вестминстера о продлении действия пошлин на гербовую бумагу и пр.; на усиление действия законов, препятствующих импорту рыбы иностранцами и ратующих за выщипку сохранивших мальков осмаров у побережья Шотландии. Касательно акта о прототрагичности изгнания и подкупов на выборах, Его Величество дали разъяснения, относящиеся до обвинений на основании указанного акта, что таковые не должны иметь места, пока не начато для оной цели какое-либо судопроизводство. Санционированы также акты: поощряющий производство британской парусины; препятствующий записи подданных Его Величества в иностранную службу; освобождающий от ответственности лиц, повинных в законопреступлениях, учинивших во имя обеспечения доходов таможенных и акцизных и во имя соблюдения законов в будущем. После чего Его Величество обратились к парламенту с тронной речью (о коей см. с. 236) и затем объявили перерыв в работе оного парламента до 29 июля.

В южаре, вспыхнувшим в колодце в Струн Стратфорде, графство Нортгемптоншир, сгорели дома более 50 домов.

Суббота, май 22-го дня

Г-н Ширринг, заключенный в Ньюгейтскую тюрьму за бесчинное сообщничество вторжение в храм сардинского посланника и пр., вынужден был на поруки Судом королевской скамьи, и было предложено впрямь для этой цели подвести к раме иноземных посланников под действие акта королевы Елизаветы, каковой предоставляется им здесь не более прав, чем жалуются там английским посланникам.

Оксфордский университет при полной конвокации присудил степень доктора права Джону Айвори Гасботу, эсквайру, рыцарю графства от Уэлтиншра; сэру Уильяму Кирью, баронету, рыцарю графства от Корнуолла, и Томасу Мастеру, эсквайру, члену парламента от Систеры, — в знак признательности за деятельное их противодействие клеветам близким одесяти и праве мертвой руки.

Показанья Доркас Хеллиер, под присягой взятые на допросе июля тридцать первого дня в десятый год правленья монарха нашего Георга Второго, милостью Божьей короля Великобритании, Англии и прочая

От роду семнадцать лет, местная уроженка, девица. Прислуга за все у мистера и миссис Паддикоум.

В: Хозяин объяснил, зачем вас призвали?

О: Да, сэр.

В: Знаете, что вы под присягой как в суде?

О: Знаю, сэр.

В: Говорите только правду, слова ваши записываются.

О: Как на духу, сэр.

В: Прекрасно. Взгляните на портрет. Вы узнаете господина, коему в последний день минувшего апреля прислуживали в сей самой комнате?

О: Да, сэр. Кажись, он.

В: Точно ль? Если сомневаешься, скажи, дочка. За то тебя не накажут.

О: Он самый.

В: Хорошо. Ужин господам подали вы?

О: Да, сэр. Кушанья и прочее.

В: Но ведь обычно об проезжающих заботятся их собственные слуги, не так ли?

О: Кто как пожелает, сэр. Гости нечесты.

В: Стало быть, особых распоряжений не было?

О: Никаких, сэр.

В: Меж собой господа говорили?

О: Мы ничего не слыхали, сэр.

В: Вы были в комнате, пока они трапезничали?

О: Я б осталась, сэр, но меня выпроводили, как только подала кушанья.

В: Они сами себя обслуживали?

О: Да, сэр.

В: Что-нибудь странное в них заметили?

О: Что, сэр?

В: Вот я и спрашиваю. Припомните. Выказывали они беспокойство, нетерпенье остаться одним?

О: Просто выслали, и только. Сказали, дурно отобедали.

В: Желали спокойно поужинать?

О: Да, сэр.

В: Что они заказали?

О: Яичницу с беконом, гороховую болтушку с луком и мятой и молочный пудинг.

В: Все съели?

О: Да, сэр. Начисто подмели.

В: Держались они дружески? Не дулись, будто в ссоре?

О: Нет, сэр.

В: Кто вам приказывал?

О: Старик, сэр.

В: Позже ему и мистеру Бекфорду вы подали чай? (Непонимание.) Чвай, дочка. Бохи. Китайский лист.

О: Да, сэр. То уж в гостиной.

В: Вы слышали их разговор?

О: Помнится, мистер Бекфорд рассказывал об себе.

В: Что именно?

О: Про семью, сэр. Мол, родом он из Уилтшира. Еще про сестру, что в Солсбери недавно обвенчалась.

В: Больше ничего?

О: Ничего, сэр.

В: Прежде мистер Бекфорд беседовал с приезжими?

О: Ежели изволите глянуть, ихняя квартира на той стороне площади. Из окошка ему всех видать.

В: Любит благородное общество?

О: Как говорится, хлебом не корми.

В: Скажите-ка, господские пожитки вас ничем не удивили?

О: Да нет, сэр. Разве что сундук с бумагами.

В: Что за бумаги?

О: В сундуке молодого джентльмена. Еще на письменном столике – мы видали, когда принесли свечи. Пожилой господин велел, спускаясь к мистеру Бекфорду.

В: Молодой джентльмен читал?

О: Да, сэр. Ему было темно.

В: Какого рода бумаги?

О: Не скажу, сэр. Я неграмотная.

В: Может, письма? Сверху имелся адрес?

О: Мы грамоты не знаем.

В: Я понял, но вы ж знаете, как выглядит письмо: сургучная печать, сложенный лист, убористый почерк?

О: Нет, сэр, теи листки смахивали на счетные бумажки.

В: Какие бумажки?

О: Ну вроде тех, что хозяин выписывает за постой, ежели кто спросит.

В: Значит, там были цифры?

О: Да, сэр. Цифры и знаки, но не буквы – я знаю, как они выглядят.

В: Цифры были писаны столбцом, как на счете?

О: Нет, сэ. Меж узоров.

В: Каких узоров?

О: Один мы разглядели: большой круг, потом другой, обнесенный тремя чертами, и лунные отметины.

В: Как? Лунные отметины?

О: Вроде старой луны, похожей на сырную корку.

В: Полумесяц?

О: Да, сэ.

В: И рядом цифры?

О: Да, сэ.

В: Много ль таких бумаг лежало на столе?

О: Много, сэ. С дюжину, а то и боле.

В: Какого размера листы?

О: Вроде тех, на каких пишет господин. Один вдвое больше.

В: Пометьте: фолио и кварто. Писано от руки, чернилами?

О: Да, сэ.

В: Буквы не оттиснуты, не книжные страницы?

О: Нет, сэ.

В: Джентльмен писал?

О: Не видала, сэ.

В: Прибора не подметили? Чернильница, перо?

О: Нет, сэ.

В: В сундуке тоже были бумаги?

О: Бумаги, сэ, а еще книги и большие медные часы без футляра.

В: Верно ль часы?

О: Огромные, сэ! Вроде каминных часов миссис Паддикуум, когда смотришь с изнанки.

В: Вы заметили циферблат и стрелки?

О: Нет, они лежали вверх нутром – колесиков понапихано, что и в наших часах.

В: Так где вы видели книги?

О: В сундучке подле двери, сэ. Крышка была откинута, и мы туда заглянули, хоть и в потемках.

В: И увидели книги?

О: Да, сэ. Сейчас говорят, будто сундук ломился от золота, на что и польстились убивцы.

В: Но сие не так?

О: Нет, сэ. Только мне не верят.

В: Пустое, я тебе верю, Доркас. Перейдем к служанке Луизе. Кажется, вы с ней поболтали?

О: Маленько, сэ, когда провожала ее в комнату. Перебросились парой слов.

В: Об чем?

О: Долго ль едут, откуда и всякое такое.

В: Об себе она ничего не поведала?

О: Сказывала, сэ, ибо я спросила. Мол, определили ее служанкой к бидефордской леди, родственнице господ. Поскольку прежняя лондонская хозяйка уехала за море, а ее с собою не взяла. Потом справилась, знаком ли нам Бидефорд, и я сказала, что с папашей разок там побывала – город большой и рынок славный.

В: Не упоминалось ли имя прежней хозяйки?

О: Упоминалось, сэ, да я уж запомнила.

В: Имя английское?

О: Да, сэра.

В: Имелся ли титул?

О: Нет, сэра, просто миссис... как же ее...

В: Вы не спросили, откуда Луиза родом?

О: Из Бристоля, сэра. Но, считай, выросла в Лондоне – всю жизнь в горничных, потому как родители померли. Знает шитье и тупейное искусство, а потому жалованье платили хорошее.

В: Об вас расспрашивала?

О: Да, сэра, – нравится ль хозяйка, приятна ли служба.

В: Об чем еще?

О: Да разговор-то был недолог, сэра, меня кликнули. Вижу, вы заняты, говорит, обременять не стану. Я шибко устала, поем наверху, но хлопотать не надо, Дик все доставит.

В: Про господ ничего не говорила?

О: Мол, еще десять дней назад их знать не знала, но прежняя хозяйка лестно отзывалась об пожиле.

В: А про слуг?

О: Об Фартинге – ничего, сэра. Про глухонемого Дика сказала, что он безобидный, бояться его нечего.

В: А ну-ка поройся в памяти, дитя мое. Как ты считаешь, взаправдашняя она горничная или зачем-то притворялась?

О: Манеры-то ее лондонские, сэра. Речь гладкая, и сама уж такая хорошенькая! Глазки – смерть мужикам!

В: То бишь скорее дама, нежели горничная? Для служанки чересчур пригожа?

О: Не знаю, сэра. Однако выговор у нее бристольский.

В: В смысле, никакого жеманства?

О: Да, сэра. И еще: отужинав, она почивать не легла, как хотела. Часом позже, идучи к себе, я миновала комнату молодого джентльмена. Так девушка была у него.

В: Вы услышали ее голос?

О: Да, сэра.

В: Подслушивали?

О: Виновата, сэра. Но всего минутку-другую – просто удивилась, что она еще не спит.

В: Что-нибудь расслышали?

О: Дверь толстая, а говорили тихо, сэра.

В: Кто больше?

О: Джентльмен, сэра.

В: Что вы об том думаете?

О: Наверное, он давал наставленья, как ублажить новую хозяйку, сэра.

В: Вы сие слышали?.. Говори правду.

О: Ей-богу, сэра... Мы пытались, да никак...

В: Зачем давать наставленья в столь поздний час?

О: Не ведаю, сэра.

В: Спрошу еще раз: может, она вовсе не служанка?

О: Нам показалось странным, что беседа шла так долго, сэра.

В: Откуда вам известно? Не вы ль сказали, что лишь на минутку-другую задержались под дверью.

О: Так оно и было, сэра. Но девушке отвели комнату, соседнюю нашей с Бетти. Мы еще не спали и слышали, как через полчаса, а то и больше она прокралась к себе и щелкнула задвижкой.

В: Возможно ль, что ее услуги были потребны в угоду молодому джентльмену, а не бидефордской хозяйке?

О: Не понимаю, сэр.

В: Полно, Доркас! Тебе уж семнадцать, смазливая шалунья! Бьюсь об заклад, уж завела себе с десяток сердечных дружков!

О: Есть один, сэр. Жених мой.

В: Так нечего пунцовать! Небось, наутро увидела следы греховного совокупленья?

О: Как, сэр?

В: Сбитые простыни.

О: Нет, сэр, постель была нетронута.

В: Нетронута? Верно ль?

О: Да, сэр. Чуть смята, но даже покрывало не сдернуто.

В: Ночью в соседнюю комнату никто не входил?

О: Никто, сэр.

В: И девица ее не покидала?

О: Нет, сэр.

В: Ни голосов, ни шорохов?

О: Ничего, сэр. Мы с Бетти спали беспробудно.

В: Не было ль в ней чего от падшей женщины? Гулящей, шлюхи?

О: Нет, сэр.

В: Может, намекала, что девушке с твоей наружностью подыщет в Лондоне местечко гораздо лучше и доходнее?

О: Нет, сэр.

В: И не поведала об скорби иль несчастной любви?

О: Ничегошеньки, сэр.

В: Путешествие ее печалило иль радовало?

О: Не знаю, сэр. Похоже, ей бы лучше остаться дома, нежели с чужаками ехать в этакую даль.

В: Она так сказала?

О: Вид ее об том сказал, сэр.

В: Была грустна?

О: Да, сэр. Но редкая улыбка ее преображала.

В: Как? Выдавала игривость?

О: Нет, сэр... Не умеем сказать...

В: Ну же, дочка! Я тебя не съем!

О: Как гости съехали, на подушке мы нашли цветастую косынку, будто в подарок нам оставленную.

В: Где она?

О: Мамаша велели сжечь. Когда прошел слух об цветочнике и убивцах. А то, мол, накличем беду.

В: Вещица недешевая?

О: Да, сэр. Индийского хлопку, узор из цветов и причудливой птички.

В: Поди, служанке не по карману?

О: В прошлую тивертонскую ярмарку один лоточник такую предлагал. Говорил, сработано в самом Лондоне, дешевле трех шиллингов не отдаст. Мол, не хуже индийской, законом носить не запрещено.

В: Наутро вы не спросили, что так задержало ее в комнате мужчины?

О: Нет, сэр, мы лишь распрощались. Майский день, дел невпроворот, нас всего трое.

В: Говорят, Фартинг допускал вольности с тобой?

О: Пытался, но мы не из таковских.

В: Затащил тебя в укромный уголок?

О: После ужина поперся за мной в кладовку и хотел облапить.

Я ему – ты что, мол? А он, мол, приходи на конюшню, не пожалеешь. Шиллинг пихал!

В: Но вы не взяли?

О: Нет, сэр! На кой мне пьяница, страшила и брехун?

В: Почему брехун?

О: За ужином поносил Дика – мол, остерегайтесь, этой безмозглой скотине только б девок портить. А сам-то еще хуже! Как мы не взяли его шиллинг, так он обещался ночью к нам прийти – дескать, охранять. Знаем мы таких охранников!

В: И что, пришел?

О: Да нет. А жалко, а то бы Бетти чмокнула его дубинкой по башке.

В: Он говорил, что хочет уехать до свету?

О: Нет, ни словом не обмолвился.

В: Вижу, ты девушка честная, Доркас. В церковь часто ходишь?

О: Да, сэр.

В: Такой и оставайся. Вот тебе шиллинг, коего из-за честности ты лишилась.

Jurat die et anno supradicto coram

Генри Аскью

Историческая хроника, 1736

июнь

В начале нынешнего года господствующего вируса, числом 102, учредила Общество поощрения учености. Вступительный взнос составляет 10 гиней, годовое членство — 2 гиней. Председательствует в обществе герцог Ричмонд, замещает его Брайан Фейрфокс, эсквайр; сэр Хью Сингтон и сэр Томас Робинсон, баронеты, стали почетными на нынешний год. В управлению комиссию вошли:

- граф Хартфорд,
- граф Аберноти,
- граф Оксфорд,
- граф Стенхуп,
- лорд Персиваль,
- сэр Браунлоу Шерард, баронет,
- достоинч. Уильям Талбот,
- доктор Ричард Мид,
- доктор Александр Стюарт,
- доктор Роберт Барнор,
- доктор Аддисон Хаттон,
- преп. Томас Берн,
- Чарльз Фредерик,
- Джеймс Уэст,
- Майор Эдвардс,
- Бенжамен Мартин,
- Джордж Льюис Скотт,
- Пол Уайтхед, эсквайр;
- г-н Джон Уорд, профессор Гр. колл.,
- Джеймс Томсон, эсквайр,
- Сэмюэль Страт, эсквайр,
- Даниэль Макэрчер, эсквайр,
- Джордж Сейл, эсквайр,
- преп. Джордж Уоттс.

По Уставу, принятому мая 27-го дня 1736 г., общие собрания определено держать в первый четверг августа, ноября, февраля и мая. Комиссия же собирается еженедельно, а работы, ею направляемые, печататься будут за счет Общества или же с его денежной помощью; оно же определит будет и цены на

книги, таким образом напечатанные, однако авторы должны будут отказаться от права на эти сочинения, как и от своей доли во всем предпринятом, в пользу казначей в интересах Общества или же, по надлежащему рассмотрению комиссии, дать поручительство возместить Обществу расходы на печатание и публикацию, по возмещению коих поручительство возвращается автору; 8 из 24 управляющих сменяются каждый год, на три года лишается права на переизбрание. Ищущие членства в Обществе выдвигаются на заседания управляющей комиссии и в течение 8 дней остаются кандидатами, после чего избираются в члены тайным голосованием, большинством в две трети присутствующих членов комиссии. Члены Общества в качестве таковых не имеют никакого права на получение какой-либо выгоды. Управляющие не вправе расходовать более 200 фунтов на кануло бы то ни было работу, не получив на то одобрения от общего собрания. Казначей предписано не выплачивать никакой суммы иначе как по распоряжению 3 управляющих, а если сумма превышает 10 фунтов, он выписывает век на почетных, а те уже на банк. Счета положено было проверять каждые 8 месяцев. Ревизоры назначены сейчас преп. Джон Талбот, Генри Талбот, Генри Кенфол, Эдвард Стефенсон и Уильям Ньюленд, эсквайры.

Вторник, июля 1-го дня

В Сомерсетшире некая Анна Бойнтон из Старого Хемстриджа разрешилась от бремени тремя дочерьми и сыном; одна из дочерей умерла, остальные, весьма вероятно, будут жить. Будучи замужней всего 4 года, эта женщина разрешилась трижды: в первый раз двоими детьми женского пола, во второй раз — двоими мужского, в третий же раз четверыми, как указано выше.

Четверг, шюля 3-го дня

Вуправлении финансового инспектора при министерстве финансов несколькими лицами была произведена подписка на сумму в 600 000 фунтов с уплатой не позднее 10 июля в виде облигаций под 3 процента, кои будут выплачиваться из Фонда погашения.

Суббота, шюля 5-го дня

Из новых сержантов, поименно: Томас Паркер, Томас Хэсен, Абрахам Гашпер, Роберт Прайс, Майкс Фостер, Томас Барнет, Уильям Уайн, Джеймс Аугар, Ричард Дрейпер, Роберт Диксон, Киттлби, Уильям Хейворд, Самюэль Прайм, Томас Бернардистон, Олвард Бутл, эсквайры, — были призваны в Суд общих тяжб в Вестминстере с соблюдением обычных формальностей. Дебри на раздававшихся по этому случаю козьих глазах: *Nuptial Libertas gratia*. У новоспеченных сержантов родилась по этому случаю такие строки:

Юстиция во имя процветанья
Изволла закон благой принять
И клечат благородному собранью:
Велик пошев, да поному собрать!
Лишь молвила — и вот других быстрей
Четирнадцать сержантов перед ней.

Понедельник, шюля 7-го дня

Большое жюри графства Мидлсекс вынесло на основании Черного акта обвинительный приговор Джеймсу Бейли и Томасу Рейнгольду за то, что разгуливали в масках с оружием и разорили контору по сбору дорожных пошлин в Тлоубри, см. с. 229 E.

Возражение на обвинительный акт, поданный Обществом ткачей Синвет-филда, против г-на Саттона, хозяина дома, в котором они держали свой клуб, о сумме в 30 фунтов, выданных ему из кассы общества, обсуждался перед судьями суда казначейства, хотя суд решил, что Ткачи не являются законным обществом и, следовательно, не могут преследовать или преследоваться по закону.

Вторник, шюля 8-го дня

Примечательная тяжба между двумя купцами рассматривалась у лорда Хардинга в порядке *scire facias* об обязательстве на

320 фунтов, с тем чтобы провести приказ об ошибке, если будет утверждено решение, согласно коему ответчик объявляется уклонившимся от уплаты. Ответчик ссылался на то, что сделка имела место за 11 месяцев до признания его банкротом и что он получил акт о банкротстве и освобожден от всех долгов и пр. на основании парламентского акта. Однако, поскольку Совет настаивал, что долг был таковой природы, что истец не мог получить удовлетворения по банкротству ответчика, да и сам весь возник случайно и уже после признания банкротства, присяжные вынесли вердикт в пользу истца.

В среду, шюля 9-го дня.

Созван был Суд городского совета в ратуше, а когда долго во рассмотрении дела о строительстве резиденции лорд-мера и дела об улучшении городского освещения, оные были возвращены в соответствующие комитеты для нового рассмотрения. Г-н Эванс ходатайствовал о рассмотрении больших проволочек в рассмотрении дел, причины их заглаживая, и сущей их предотвращении в будущем, что и было сделано *petitio contradictorie*, для чего был избран соответствующий комитет. Приказано было рекордеру явиться на следующее заседание городского совета, дабы изъяснить причины, по кои не присутствовал он среди лорд-мера и членов городского совета при поднесении оными похвального адреса принцу Уэльскому по случаю Его женитбы.

В четверг, шюля 10-го дня.

состоялся суд при председательстве старшего судьи лорда Хардинга по иску г-жи Элизабет Баркер против сэра Уолстона Дикси, баронета, о 5000 фунтах возмещения за противозаконное ее заключение в тюрьму по обвинению в грабеже, за что судима была и Ол-Бейли и признана виновной; после слушаний, длившихся около семи часов, присяжные, кои специально для этого дела были отобраны, вынесли решение возместить истце *пять тысяч фунтов*; после чего его светлость отослал их обратно, посоветовавшись еще полчаса, вынесли тот же вердикт без изменений (см. кн. V, с. 735 D).

Суббота, шюля 12-го дня

В Олд-Бейли закончились заседания, в ходе коих судима была 75 заключенных, из коих 38 осуждены были на высылку в колонию, 4 приговорен к клеймению руки, Джордж Уитсон — к смертной казни за убийство караульного, а 35 оправданы.

Понедельник, шюля 14-го дня

Даниэль Мадден бежал (во второй раз) из Ньюбейтской тюрьмы, перешелши цепями у основания скабьи, посредством которой крепились они к полу тюремной камеры, и затем, разобрав кирпичную кладку, скрылся в сточной трубе; несколько человек были высланы на его поиски, каковые, однако, не увенчались успехом, хотя оставшиеся на нем цепи весят не менее сотни фунтов. Найден был труп двоих беглецов, кои, скрываясь, погибли от удущья (см. стр. 230 A).

Четверг, шюля 17-го дня

Капитан городской гвардия Эдинбурга Португе получил копию обвинительного акта, в котором предъявлены ему убийство шести человек и ранение одиннадцати. См. апр., с. 230 B.

Вторник, шюля 22-го дня

Ее Величество издала Ее Королевскую Декларацию, в коей Ее Величество запрещают своим подданным оказывать какую-либо помощь, обитателям Корсики и, по просьбе Генуэзского сената, приказали схватить капитана корабля, перевозившего барона Нойхофа, и привезти к ответу английского консула в Тунизе, зачем не воспринимать австрийскому суду участвовать в таком деле. Г-н Уильям Ронд, гражданин и соотечерь, и г-н Бенджамин Руглисс, гражданин и аптекарь, избранны были шерифами лондонского Сити и графства Мидлсекс; следующие двенадцать, уплатившие обычную в таких случаях сумму в качестве штрафа, были освобождены от исполнения этой должности, а именно: г-н Лоурен Вистерли, торговец скотскими изделиями, г-н Самюэль Свинсен, торговец рыбой, г-н Джейкоб Баррант, ткач, г-н Роберт Фергюсон, торговец стеслом, г-н Томас Дитгас, торго-

вец шерстью, и г-н Джейкоб Шоу, торговец мануфактурой.

Понедельник, шюля 28-го дня

Суд королевской скабьи привел донос на священника из Нортгемптоншира, что похитил человека, дабы поджечь дом графа Нортгемптона.

Вторник, шюля 29-го дня

Г-н Дэвид Бойс, уже несколько лет пребывавший в заключении в тюрьме Флант по иску Его Величества на сумму около тысячи фунтов за контрабанду, предстал перед судьями суда казначейства и был освобожден, поскольку ранее при посредстве новоренных обратился в суд с ходатайством, а также во исполнение недавнего закона, предписывающего смерть тем, кто был оправдан на его основе, а затем снова уличен в контрабанде либо скрывании или сокрытии контрабандного товара.

Среда, шюля 30-го дня

Рецепт нового горячительного напитка и нововобранный, явды более полезного и приятного сравнении с любым другим, приготовленным на дистиллированном алкоголе.
В чистую воду выдать сок 4 померанцев (или, по желанию, 2 апельсиннов и 2 лимоннов), подсластить по вкусу измельченным сахаром и затем добавить пинту сакка. Употреблять в виде пуши или разлить по бутылкам. Выходит напиток: деликатнейший, тонкий, приятный и полезный. Причина, в силу коей сак более всего подходит для нового этого пуши или горячительного напитка, в том состоит, что из всех вин ни одно не содержит алкоголя больше, чем сак; химическими средствами извлекается даже из малого количества сак больше унций высокоградусного спирта, чем из любого другого вина, что и делает сак, или канарское вино, единственным, помимо дистиллированных, алкоголем, на основе коего можно приготовить пуши.
Этот новый пуши не только крайне приятен, но и куда более полезен, чем пуши, приготовленный на горючих спиртных напитках, каковые жаром своим иссушают и...

Показанья мистера Сэмпсона Бекфорда, под присягой взятые на допросе шюля тридцать первого дня в десятый год правленья монарха нашего Георга Второго, милостью Божьей короля Великобритании, Англии и прочая

Мое имя Сэмпсон Бекфорд. Священник, кончил курс в оксфордском Уодем-колледже. С позапрошлого Михайлова дня викарий здешнего прихода. Двадцати семи лет, холост.

В: Благодарю, что пришли, сэр. Долго я вас не задержу.
О: Располагайте мною, сэр. Я к вашим услугам.

В: Спасибо, мистер Бекфорд. Как я понимаю, до тридцатого апреля сего года вы в глаза не видели мистера Брауна и мистера Бартоломью?

О: Совершенно справедливо, сэр.

В: А также не получали предуведомляющего письма иль другого рода известья об их приезде?

О: Ничего, сэр. Мой визит был продиктован вежливостью. Ненароком став свидетелем их прибытья, я счел их людьми просвещенными, кои в здешнем городишке суть редкие птицы, мистер Аскью.

В: Сочувствую вам, сэр.

О: Я вознамерился убедить их, что они очутились не в дикой Московии, к коему выводу, несомненно, склоняет вид здешних мест. Нет, и в тутошной ссылке от изящного общества есть те, кому ведом политес.

В: С молодым джентльменом вы не беседовали?

О: Нет, сэр. Мистер Браун передал извиненья племянника – с дороги тот сильно утомился.

В: Дядюшка сказал, что путешествует с целью навестить свою бидефордскую сестру?

О: Он изъяснялся туманно, но по намекам его я понял, что до сих пор племянник неразумно пренебрегал видами на собственность, ибо сия леди не имеет прямых наследников.

В: Дядюшка не уточнил, в чем состояла неразумность?

О: Боюсь, нет, сэр. Я подразумеваю, что подобное пренебрежение всегда неразумно. Вскользь говорилось об чрезмерных удовольствиях и жизни не по средствам. Припоминаю, именно так и было сказано.

В: Что, племянник промотался?

О: Точно так.

В: Дядя его порицал?

О: Как же ладнее выразиться, сэр... Мне показалось, я увидел благоразумного прилежного христианина, кто чувствует себя обязанным прополоть плевелы безрассудства, взросшие в близком родственнике. Мол, отчасти в том виновны столичные соблазны. Будь его воля, он бы закрыл все лондонские театры и кофейни.

В: Об себе дядюшка рассказывал?

О: Лондонский купец. Полагаю, состоятельный, ибо он упоминал собственный корабль. Еще обмолвился об приятеле-олдермене.

В: Однако имен их не назвал?

О: Я не припомню.

В: Себя он тоже рекомендовал олдерменом?

О: Нет, сэр.

В: Мистер Бекфорд, вам не показалось странным, что при столь недолгом знакомстве лондонский купец – а люди они скрытные, сэр, я хорошо знаю их породу – беседует на деликатные семейные темы?

О: В детали он не вдавался, сэр. Рассказ его я воспринял как уважение к моему сану. Джентльмен обязан что-то сказать об цели своего путешествия.

В: Но джентльменом он стал скорее благодаря состоянью, нежели родословной?

О: Сие полностью совпадает с моим впечатленьем, сэр. Человек он богатый, однако настоящего воспитанья не получил. Учтиво справился об моем служении. Но когда я дерзнул процитировать из Овидия, скромно дав понять, что здесь добродетели мои пропадают втуне, он будто смешался.

В: Стало быть, дока в счетоводстве, но не в классике?

О: Полагаю, так, сэр.

В: А каково ваше мнение об том, что поиски сестры мистера Брауна не увенчались успехом?

О: Я в совершенной растерянности и просто голову сломал, с какой стати человек, по виду столь зажиточный и благородный, пустился в этикие измышленья и ввел меня в заблужденье. Стало быть, его истинный и, боюсь, злонамеренный умысел не предназначался для чужих ушей.

В: Другие свидетели показали, что временами всем распоряжался якобы раскаявшийся племянник, тогда как дядюшка помалкивал. Что вы на сие скажете?

О: Да, об том я слыхал, сэр. Признаюсь, когда из окна наблюдал за их прибытьем на постоянный двор, пытаюсь угадать, какое дело привело их к нам, мелькнула праздная мысль, что родственниками они не выглядят.

В: Но кем?

О: Затруднительно ответить, сэр, ибо точного определения не подберешь. Пожалуй, я б счел их представителями вашего почтенного ремесла, приехавшими для решения некоего правового вопроса. Возможно, старший – наставник младшего. Право, не знаю. Но уверенно скажу, что предположение об их кровном родстве меня не посещало. Я даже чуть удивился, узнав об нем.

В: Как изъяснялся мистер Браун?

О: Веско и просто, без цветистостей и словесных фигур. Весьма складно.

В: Не возникло ль подозренье, что готовится некое беззаконие иль непристойность?

О: По чести, нет, сэр. Я все принял за чистую монету, ибо ничто в его речах не породило недоверья. Дело-то заурядное.

В: Больше говорили об нем иль об вас?

О: Хороший вопрос, сэр. Я тоже над тем задумывался. Похоже, он так построил беседу, что я, сам того не желая, неприлично много говорил об себе.

В: Выражаясь прямо, вас слегка надули?

О: Он расспрашивал об моих чаяньях и досадах, об состоянии веры в сих безбожных краях. К несчастью, я младший сын, мистер Аскью... Ересь тут невообразимая, что меня чрезвычайно заботит. Признаюсь, что, встретив благодарного слушателя, я теряю меру в выраженье своего законного отвращения. Боюсь, тем вечером сие имело место.

В: Он сочувствовал вашим мыслям и просил подробностей?

О: Да, сэр, и даже польстил – дескать, вот бы побольше людей, столь твердых во взглядах. Он также выразил сожаленье, что не услышит мою воскресную проповедь, в коей, скажу без ложной скромности, я блистательно опрокидываю несостоятельные доводы противников церковной десятины. По случаю, текст сохранился, не угодно ль вам ознакомиться?

В: Почту за честь, сэр.

О: Как только ворочусь домой, пришлю вам со слугой.

В: Спасибо, мистер Бекфорд. Однако вынужден заронить в вас семя сомненья. Разве не ведомо вам, что Лондон суть гнездилище вигов? Что большинству его обитателей никогда не постичь вашего достойного чувства к вере? Что из всех древних законов почитают они лишь тот, что сулит земное благо? Что для многих не существует иного бога, паче Мамоны, то бишь собственной выгоды, и посему глумятся они над всем, что ей препятствует? Отчего ж вы не подивились, что сей торгош столь сочувственен к вашим взглядам?

О: Должен признать, сэр, меня околпачили. Увы, мне ведомы сии материи, из коих произрастает крайне предосудительная терпимость к раскольникам и еретикам, но в данном случае я полагал, что столкнулся со счастливым исключением из общего правила.

В: Так, может, сей купеческий дядюшка и впрямь служитель закона, поскольку мы все умеем направлять беседу в нужное русло? Прошу вас подумать, сэр. Что подсказывает ваша память?

О: Он вел себя иначе, нежели вы, досточтимый сэра.

В: Но если допустить, что какие-либо причины вынудили его скрыть свое истинное лицо и выступить под благовидной маской?

О: Что ж, такое допущение возможно, сэра. Да, вполне вероятно, он лишь исполнял роль. Иного не скажешь.

В: То есть он поднаторел в обмане даже столь благоразумных и просвещенных господ, как вы, сэра? Вы сказали, речь его лилась свободно; он не походил на того, кому есть что утаивать?

О: Именно так, сэра. Говорил он веско, но вполне открыто. Как человек, привыкший публично излагать свой взгляд на общественные вопросы.

В: Сблаговолите его описать.

О: Среднего росту, однако тучен. Бледноват, но для его лет цвет лица недурный. Пристальный взгляд, как у того, кто хорошо разбирается в людях. Густые брови.

В: Будьте любезны предположить его возраст, сэра.

О: Не меньше сорока пяти. Да нет, пожалуй, на пяток лет больше.

В: Какие-либо особые приметы?

О: Возле носа я заметил бородавку. Вот здесь.

В: Пометьте: у правой ноздри. Кольца имелись?

О: Обручальное.

В: Золотое?

О: Да. Если память не изменяет, простенькое.

В: Что платье?

О: Хорошего сукна, однако поношенное – видимо, дорожный костюм. Парик чуть старомоден.

В: Сорочка свежая?

О: О да, сэра. Все как подобает джентльмену.

В: Поздравляю, у вас отменная память, сэра. Что-нибудь еще этакое приметное?

О: Он нюхал табак; по мне, так слишком часто. Я нахожу сие неизящным.

В: Мистер Бекфорд, знаете ли вы об последующих событиях сверх того, что стало всеобщим достоянием?

О: Повсеместно слышал досужие сплетни. Здешний народец весьма им подвержен.

В: Ни с кем из окрестных благородных семейств вы не сносились?

О: Увы, в нашем приходе сим именем можно удостоить лишь дом мистера Генри Деверё, но тогда он был в отлучке.

В: Сейчас вернулся?

О: Две недели как отбыл в Бат.

В: Об происшествии с ним говорили?

О: Я постарался удовлетворить его любопытство, сэра.

В: Он пребывал в неведении?

О: В полном.

В: Он тоже духовного звания?

О: Больно говорить, сэра, но я обитаю в пустыне. Никакой утонченный человек не поселится здесь по доброй воле, но только ежели его, подобно мне, к тому принудили обстоятельства. С горечью констатирую, что один мой коллега более умудрен в лисьей охоте и прочих забавах, паче в делах веры. В колокола он ударит скорее ради славного петушиного боя, нежели утрени или вечерни. Другой, что служит в Даккуме, целиком поглощен своим садом и пашней, а церковь его предоставлена самое себе.

В: Мистер Деверё ваш патрон?

О: Нет, сэра, я подчиняюсь эксетерскому канонику Буллоку. В его руках пребенда, он здешний наместник.

В: Из капитула?

О: Именно так. Приезжает раз в год для сбора десятины. Старик, ему уж скоро семьдесят.

В: От вас в парламент избраны мистер Фейн и полковник Митчелл, не так ли?

О: Да, сэр. Однако с прошлых выборов сии господа не почтили нас своим присутствием.

В: То бишь два года вы их не видели? Они были единственные кандидаты?

О: Именно так, сэр.

В: И не поинтересовались вышеозначенными событиями?

О: Ни ко мне, ни к кому другому, насколько я знаю, они не обращались.

В: Хорошо, тут ясно. Со слугами приезжих вы не говорили?

О: Ни боже мой!

В: С тех пор как вы здесь, не случилось ли убийства или ограбления путешественников? Может, что было до вас?

О: Нет, ни в нашем, ни в соседних приходах. Поговаривали об шайке головорезов, что лет пять назад промышляла под Майнхедом. Насколько мне известно, их давно переловили и вздернули. Сюда они не добрались.

В: Что, никаких разбойников?

О: Тут им маловато поживы. На причалах Бидефорда снуют всякие жулики-карманники. Да еще пришлые ирландцы. Но у нас с беспаспортными строго. Их быстренько вышвыривают из прихода.

В: Имеете ли мнение об том, что случилось первого мая?

О: Скажу лишь, что за бесстыдный обман воздано карой небесной.

В: Полагаете, всех убили?

О: Говорят, слуги были в сговоре и умертвили хозяев, но потом рассорились из-за добычи и девицы, доставшихся победителю, кто окольными путями скрылся.

В: Но к чему забираться в этакую даль от Лондона? И ежели ваш победитель так хитер, почему два трупа скрыл, а третий оставил на виду?

О: Не знаю, сэр. Разве что сильно спешил, подгоняемый виной.

В: Насчет чувствительности злодея вы заблуждаетесь, мистер Бекфорд. Я перевидал сию братию и знаю, что она печется об своей шкуре, но не об бессмертной душе. Тот, кто загодя все обдумал и долго выжидал, не станет пороть горячку, сэр. Он поступит иначе.

О: Склоняю голову пред вашей опытностью. Других объяснений не имею.

В: Пустое, сэр, вы поспешествовали больше, чем думаете. Я уже предупредил, что не волен открыть имя персоны, по чьему приказу веду расследование. Но всецело полагаясь на ваше благоразумье, сообщу, что обеспокоен судьбой того, кто назвался мистером Бартоломью.

О: Тронут вашим доверьем, сэр. Надеюсь не быть бестактным, дерзну спросить: знатной ли фамилии сей молодой джентльмен?

В: Большого не скажу, мистер Бекфорд. Я руководствуюсь строжайшими указаниями. Для всех вышеозначенная особа путешествует по Франции и Италии. Сие намеренье было заявлено перед ее отбытием из Лондона.

О: Осмелюсь подивиться, что вам так мало известно об его компании.

В: Потому что, за единственным исключением, сэр, а именно покойника, спутники его вовсе не те, кто был ангажирован для предполагаемой поездки. Где он их отыскал, нам неизвестно. Поскольку все делалось тайком и он скрыл свое подлинное имя, мы допускаем, что попутчики его тоже назвались иначе. Вот чем вызвана утомительная введливость моих расспросов. Как видите, задача моя не из легких.

О: Да уж, мистер Аскью.

В: Завтра я отбываю, чтоб продолжить поиск в ином месте. Случись вам что-нибудь узнать об сем деле, буду чрезвычайно признателен, ежели вы тотчас снесетесь со мной, дав

знать в Линкольнз-инн. Будьте надежны, я озабочусь тем, чтоб ваши услуги не остались незамеченными.

О: Во благо обманутого родителя, особливо знатного рода, сделаю что угодно, сэр.

В: Я докопаюсь до дна, мистер Бекфорд. Работаю медленно, однако сито мое часто. Хитрость и обман для меня то же, что для вас ересь. В своем приходе я их не потеряю. Не успокоюсь, пока все не выйдет наружу.

О: Аминь, сэр. Пусть Небеса благоволят к нашим молитвам.

Jurat die tricesimo et uno Jul.

anno supradicto coram me

Генри Аскью

Барнстапл, августа четвертого дня

Ваша светлость,

сокрушаюсь об печальном долге известить Вас, что поездка моя обернулась скорее пораженьем, нежели викторией. Non est in-ventus. Однако, памятуя недвусмысленное указанье Вашей светлости об следствии моем ничего не утаивать, я послушен Вашей воле.

Мною прилагаются свидетельские показанья, ознакомившись с коими, Ваша светлость, несомненно, сделают вывод об подлинной личности мистера Бартоломью. Всякая ошибка исключена, ибо сие подкреплено не только доверенным мне портретом (что, вероятно, Ваша светлость сочтут достаточным), но особливо тем фактом, что при сем господине состоял лишенный языка и слуха человек, описание наружности и повадок коего схоже во всех показаньях. Я решил не утомлять Вашу светлость прочими добытыми мною сведеньями, ибо во многом они повторяют друг друга. Коронер доктор Петтигрю сообщил все, что знает и помнит; я также переговорил с его помощником, выезжавшим на первое дознание, и стариком-лекарем, в день происшествия занемогшим.

Заклинаю Вашу светлость (а также Вашу дражайшую супругу, кому прошу передать мое смиреннейшее почтенье) не воспринимать кончину Терлоу как безоговорочную улику еще большей беды, коей prima facie она выглядит. Таковой ее сочтут лишь невежественные трусы (omne ignotum pro magnifico est), не способные к здравому рассуждению, но склонные во всем видеть руку дьявола. Подобная гипотеза требует тел, однако нет останков ни благородной особы, в ком Ваша светлость столь заинтересованы, ни трех ее безвестных попутчиков.

Однако к делу: я отрядил две дюжины остроглазых малых, хорошо знающих здешние места, прочесать участок, где был найден сундук. Под посулом щедрой награды они вновь облазили всю округу, не пропустив ни куста, ни травинки, равно как и заросли, в коих был обнаружен Терлоу, но все попусту, что, могу заверить Вашу светлость, служит auspiciu melioris aevi. Вместе с тем Ваша светлость могут не сомневаться в неукоснительном соблюденьи требуемой Вами секретности. Когда нужно, я выдавал себя за Меркурия, прислуживающего Юпитеру, за посланника того, чья власть безгранична, однако не дал нити к догадкам, насколько высок его ранг. Лишь доктору Петтигрю, достойному джентльмену строгих правил, кто заслуживает доверья, я приоткрыл часть правды: сие не заурядное расследование пропажи человека.

Однажды Ваша светлость оказали мне честь, сказав, что чутью моему доверяют не меньше, чем нюху своей любимой гончей. Ежели вера Ваша в мой оракульский придаток еще не поколеблена, то он подсказывает, что тот, кого мы ищем, будет найден живым и невредимым, хотя не стану отрицать, что, будучи лишен пахучего следа, затрудняюсь в постиженьи цели, по коей означенная особа очутилась в сем графстве. Ясно, что повод ad captandum vulgum был лишь для отвода глаз, но я не постигаю, что привлекло его сиятельство в сии унылые дикие края, столь противоположные их вкусам и склонностям. Места, где в последний раз их видели, отдаленно схожи с кое-какими лесистыми долинами Вашей светлости, но расположены в низинах и укрыты не столько вереском, сколько деревьями, за исключением овечьих пастбищ, а на севере – отвратительно лысого огромного холма по прозванью Эксмур, откуда берет начало

река Экс. Нынче неприглядности пейзажа способствуют невиданно затяжные дожди (льет весь месяц), от коих сильно пострадали покосы, посевы и строенья. (Старожилы горько шутят: не важно, что порушено много мельниц – так и так для жерновов нет дела, ибо зерно сожрано гнилью и плесенью.)

Народ здешний скрытен, язык его весьма коряв и невнятен. Тут неведомы иные притязательные местоименья, кроме «ихний», об себе говорят во множественном числе и глотают окончанья. Дабы не затруднять Вашу светлость, мой писарь подправил сей ярчайший образец просторечья. В убогом селенье, где изволили переночевать его сиятельство, нет ни одного просвещенного человека, кроме мистера Бекфорда. Несомненно, сей тори стал бы церковным иерархом, не будь все его начальники вигами. Боюсь, ради хлеба насущного вскоре он перейдет в магометанство.

Полагаю, Ваша светлость разделят мое убежденье, что сии края исчерпали себя в сведениях. Мои изысканья в Бидефорде и сем городишке, откуда имею честь адресоваться к Вашей светлости, увенчались успехом не боле, чем следствие доктора Пет-тигрю. Тем не менее считаю определенным, что его сиятельство здесь были, вот только цели их неведомы. Перед отбытьем сюда я покопался в окруженье его сиятельства, однако не выявил никого, кто соответствовал бы облику мнимого дядюшки иль его слуги. Коль Ваша светлость изволят припомнить, не вызнал я и каких-либо подозрений иль слухов об тайной преступной связи его сиятельства, что прояснило бы личность девицы. Ежели вопреки всему таковая связь имелась и под личиной горничной скрывалась леди, невероятно, чтоб скандальное бегство любовников до сих пор не наделало шуму, а также непонятно, почему они устремились не в Дувр иль какое иное место, пригодное для отплытья во Францию, но в сии неудобные (для этаккой цели) края.

Право, я теряюсь в догадках, для чего его сиятельству понадобилось отягощать себя свитой из трех спутников. Ведь путешествие с одним лишь слугой как нельзя лучше отвечало бы тайности замысла. Могу только предположить, что эдакая компания и роль послушного племянника имели целью сбить со следа погоню, ежели были причины таковой опасаться. Видимо, приезд в Девон не что иное, как заячья петля, да простят Ваша светлость подобное сравненье. Бидефорд и Барнстапл ведут оживленную торговлю с Ирландией и Уэльсом, а порой с Францией, Португалией и Кадисом, после заключенья мира весьма укрепившимся. По моим справкам, в первую половину мая из обеих гаваней во Францию не отплыл ни один корабль (но уходили суда в Ньюфаундленд и Новую Англию, ибо навигация в разгаре). Однако маловероятно, что беглецы выбрали столь кружной путь.

Ваша светлость лучше меня знают об взаимной приязни между его сиятельством и Терлоу. Я долго раздумывал и считаю совершенно невозможным, чтоб любящий хозяин способствовал мерзкому деянью иль хотя бы не заявил об несчастье, потребовав разбирательства. Могу лишь предположить, что по неким причинам его сиятельству пришлось отделаться от слуги и продолжить путь в одиночку, но тот, в силу природных изъянов, неверно истолковал его мотивы и после разлуки с хозяином в отчаянье наложил на себя руки. Однако больше не стану утомлять Вашу светлость подобными измышленьями.

Несомненно, Ваша светлость обратят внимание на показанья горничной, из коих явствует, что его сиятельство с собою взяли бумаги и прибор для своего увлеченья – обузу, плохо согласующуюся с бегством любовников иль их романтическим свиданьем. Посему я решил узнать, не обитает ли окрест какой-нибудь любитель математики и астрономии. Стараньями доктора Петтигрю таковой нашелся в Барнстапле – мистер Сэмюэль Дэй, состоятельный джентльмен и поклонник естественных наук, имевший сношенья с Королевским обществом и среди прочих с сэром Г. Слоуном. Однако ничего важного он не сообщил, не сумев припомнить никаких значительных штудий, проводимых в здешних краях: «ну разве что в Бристоле, да и те не стоят того, чтоб ради них примчался лондонский корифей». Увы, слуга Вашей свет-

лости вновь забрел in tenebris. Даже если сие дело стало primum mobile путешествия его сиятельства, я, признаюсь, не постигаю, зачем эдак обставлять столь безобидную затею.

Опять же по указке доктора Петтигрю третьеводни я навестил мистера Роберта Лака – школьного учителя, кто слывет изрядным ученым и таким же сплетником. Он безмерно горд тем, что обучил грамоте покойного мистера Гея, и в той же мере слеп к бунтарству, кое проследживается в творении его давнего ученика. Сей обучатель поэтов всучил-таки мне книжицу Геевых эклог, лет двадцать назад изданных под титлом «Пасторальная седмица», кои он считает наивернейшим изображеньем Северного Девона, и тем же манером снабдил меня экземпляром виршей собственного сочиненья, недавно опубликованных в журнале Кейва и, по словам автора, отмеченных рецензентом. Оба произведенья я пересылаю Вашей светлости, на случай если Вы соблагovolите снизойти до столь ничтожного вздора. Что до моего расследования, то и в нем мистер Лак оказался никчемн, ибо ничего дельного не сообщил.

Завтра я отбываю в Тонтон, где без промедленья найму карету до Лондона, дабы проверить одно зародившееся подозренье. Тешусь верой, Ваша светлость простят мою недомолвку, коей причина в том, что я спешу отправить сие посланье, ибо знаю, с каким нетерпеньем оно ожидаемо, и потому мечтал бы об доставленьи оногo воистину крылатым Меркурием, но при сем не дерзаю поселать в Вашей светлости беспочвенные надежды. Как только основанья для них окрепнут, об том будет незамедлительно доложено. Полагаю, Ваша светлость достаточно хорошо меня знают и не сомневаются в том, что quo fata tra-hunt, sequamur со всем усердьем, к какому обязывают священный долг и Ваши прошлые милости, оказанные Вашему смиреннейшему и покорнейшему слуге

Генри Аскью.

P. S. Мистер Лак поведал мне последние столичные новости, кои наверняка встревожили Вашу светлость: об позорном вердикте, вынесенном эдинбургскому капитану Портеусу, и бунтах черни, давеча учиненных в Шордиче. Сие здесь полагают результатом «Джинового акта», вызвавшего всеобщее негодование.

Г. А.

Историческая хроника, 1736

И Ю Л Ь

Четверг, июля 1-го дня

Выслушав множество ученых аргументов от поверенных сэра Вулстона Дикси, Суд королевской скамьи отказал г-же Элизабет Барриер в проведении нового слушания, о коем она ходатайствовала. (См. с. 354.)

Суббота, июля 3-го дня

Некто Орескин, кавалер, устроил в Эдинбурге вторую торжественную процессию, в ходе коей возвещал: «Грядет великий и ужасный день. Господень!»

Воскресенье, июля 4-го дня

Судно «Говольфин» (капитан Стюарт) прибыло в Санкт-пет из Ост-Индии с вестью о том, что во время прогулки, каковую будущи в Бенгалии, совершили врач и казначей оногo корабля, последний, г-н Седжвик, был схвачен и унесен тигром; привнес он весть и о том, что «Ангельм» (капитан Дорби) с 30 пушками и 90 пушками на борту, направился из Бомбея в Телличерри при полном штале, подвергся нападению индийского пиратскогo судна «Ангрия» с командой из 800 человек на борту и что после отчаянной битвы, в коей «Ангельм» потерял 30 человек и расстрелял весь порох, он был взят на abordаж и захвачен пиратами. На борту «Ангельма» находились несколько благородных пассажиров обоего пола и груз серебра.

Понедельник, июля 5-го дня

Контрабандист Джордж Уотсон повешен в Тайберне (см. с. 354 G); приговоренный умер, не выказав никакого беспокойства.

С начала сего месяца имели мы непрерывный дождь, равного коему не было еще в памяти человеческой; дождь был такой силы, что все низины в королевстве оказались

около этого времени затопленными, а рощи в таких местах сею, зерновые и трава были смыты или погнби. Некоторые мосты и мельницы не выдержали в рухнули, яред был прерван повсюду. В округе Тюдьявик, в Оксфордшире, большой участок земли, весивший, по расчетам, около 6000 зюдов, с кустарником и несколькими большими деревьями, был снесен неистовым потоком к руслу реки, по каковой причине течение полностью остановилось и затопило дуга на много миль в округе.

Во вторник, июля 13-го дня,

у лорда Хардинга в ратуше рассматривалось дело о ростовщичестве и вымогательстве. Истец утверждал, что в августе 1733 года взял в долг у ответчика 400 фунтов под зявексть, по коему обязан был выплатить 100 фунтов процентов до июля 1735 года, и поскольку это было доказано, присяжные вынесли приговор в пользу истца с требованием выплатить ему 1200 фунтов.

Среда, июля 14-го дня

Большой бумажный пакет был обнаружен во время заседания под сиденьем советника в суде калачейства в Вестминстер-холле; когда же его отпырнули на ступеньки, пакет разорвался, что привнесо всех присутствовавших в крайнее замешательство. Взрыв разбросал по залу огромное количество печатных плакатов, сообщающих, что сегодня, в последний день парламентской сессии, следующие 5 актов (памятникски и бесстыдно поименованных пакеалами) будут преданы сожжению в Вестминстер-холле, у Королевской биржи и на горе Святой Маргариты в Саутварке между 12 и 2 полудни. Закон о джине был в этих бумагах поименован «Законом, препятствующим продаже крепких алкогольных напитков», закон о праве мертвой руки — «Законом,

ликвидирующим последние остатки благотворительности», закон о строительстве Вестминстерского моста — «Законом, пренебрегающим правами торговцев Темзой по Лондонскому мосту», закон о контрабандистах — «Законом, пренебрегающим внешним господам путешествовать с оружием», а в названии закона о займе 600 000 фунтов из Фонда погашения последние слова заменены были на «Фонд погощения» и добавлено выражение «иностранным приезде».

Лорд-канцлер заключил двух благородных особ, имевших немалое состояние, в тюрьму Флит; указанные особы были доставлены по предписанию хабеса корпусу из тюрьмы в Честере, где находились в заключении 13 месяцев за неисполнение к суду, провалянное в отказе от исполнения предписания указанного суда.

В Суде корольской скамьи в Вестминстере рассматривалось дело о внебрачном ребенке, в связи с чем обсуждались полномочия судей в отношении родителей незаконнорожденных детей; суд пришел к мнению, что мировой судья в подобных случаях не имеет полномочий заключать кого-либо в тюрьму, а может лишь обязать их найти поручителей, дабы гарантировать их явку при следующей квартальной сессии.

Четверга, июля 15-го дня

Ее Величество в Совете продолжила прерывавшуюся работу парламента до октября 14-го дня.

В Суде городского совета в ратуше зачитан был отчет Комитета городских земель, в коем излагалось, сколько потрачено было на заселку канавы Флит и пр., а также говорилось, какие средства понадобятся в дальнейшем на возведение нового рынка, что составило сумму в 10 265 фунтов 17 шиллингов 10 пенсов и полпенса. На рынке этом предполагается устроить нишу для стоянки сотни деревенских повозок, 218 лавок и прилавков, а также большой крытый рынок 232 фута длиной и 44 — шириной.

Суббота, июля 17-го дня

Опубликовано воззвание королевы и Советов, предлагающее вознаграждение в 200 фунтов любому, кто найдет автора, издателя

потеряла 10 000 фунтов, отвергнув сделанное ее директорам 3 года назад предложение взять на откуп поставки негров в Новую Испанию, что в случае предоставления дополнительных преимуществ приносило бы 6000 фунтов *per An.* По его словам, являясь негодным предводителем предпринимавшихся попыток владельцев склониться, кажется, к мнению, что верный доход компании важнее любых расчетов, после чего сослался на расчет г-на Рида о ежегодных поставках 200 негров в За-Вера-Крус, на чем компания могла бы иметь 11 000 фунтов *per An.* свободных от уплаты *Indulto*, тогда как их доверенное лицо, достопрестынный и порядочный г-н Хайес, принес лишь 70.

Четверга, июля 22-го дня

Завершилась сессия в Суде-Бейли. Судимы были 54 узника, из коих 24 приговорены к высылке в колонии, 23 оправданы и 7 осуждены на смертную казнь, поименно: Томас Миллз за кражу лошади стоимостью в 12 фунтов; Джон Максверт, он же Перри, он же Парламентер за кражу со взломом; Томас Рингет за кражу серебряного меча с рукояткой; Джон Кессл за грабеж почтовой кареты из Сестера, учиненный на Гайдпарк-кюрнер; Стефан Филдинг за кражу лошади; Томас Моррис и Джон Притчард за кражу со взломом.

Понедельник, июля 26-го дня

Некто Рейнольдс, разоритель конторы дорожных пошлов, приговоренный вместе с Бейли июня 10-го дня (см. с. 353) (на основании акта, запрещающего появляться вооруженным и скрывать свое лицо), повешен был в Тайберне. Палач, по обыкновению, срезал его тело, но когда гроб стали покрывать, поповый отобрел крапку; после чего палач хотел было снова повесить его, однако был остановлен толпой, кои внесла казенного в дом, где рвотой вышл из него три пинты крови, когда же дали ему стакан вина, он умер. Бейли приведенные в исполнение смертного приговора отсрочили. Той и в еще 2 или 3 следующие недели случились большие волнения черни в Шорд-

или печатника скандальных клеветнических памфлетов, кои разбросаны были в Вестминстер-холле, а также приказывающее всем судейским и пр. Его Величества явиться в исполнение закона, особенно же принятые в последнюю сессию позельные законы, кои были выставлены в столь скандально искаженном виде.

Вторник, июля 20-го дня

Присяжные в Шиндбурге признали капитана Портеуса виновным в убийстве, после чего лорды приговорили оного к казни, кои должны состояться над ним на площади Грасс-маркет сентября 8-го дня сего года. (См. с. 544 А и с. 230 В. С.) Приговор гласит: «Упомянутый Джон Портеус стрелял из ружья среди людей, собравшихся на месте казни в указанное обвинительным заключением время; кроме того, приказал стрелять находившимся под его началом солдатам, какова упомянутая и капитаном лично стрельба привела к смерти и ранениям перечисленных в обвинительном акте лиц. Считать доказанным, что капитан и его гвардейцы подверглись нападенно и побитою камнями значительной величины, кои бросаемы были в них толпой, посредством чего несколько солдат получили ушибы и раны».

В среду, июля 21-го дня,

состоялось общее собрание в Торговом доме Южных морей, в ходе коего согласованы были полугодные дивиденды в полтора «фунта». Заместитель председателя правления сообщил, что, как следует из письма г-на Кипа, испанский двор еще не пришел к решению относительно даты отправки галлонов, и поэтому нельзя установить никаких определенных сроков. Г-н Вудфорд сетовал на трудности, обрушившиеся на компанию вследствие неисполнения *Asiento* и еще нескольких договоров; он ходатайствовал перед собранием об отсрочке заседания, предлагая провести его в четверг через две недели, ибо к тому времени они предполагали получить известия от г-на Кипа, на чем и согласился. По мнению г-на Каузола, теперь стало очевидно, что компания

че и Синтфилде, причиной коих были ирландские работники и ткачи, бравшие за работу по сниженному тарифу. Восставшие кричали «Бей ирландцев!», били окна в домах, где оные размещались, и почти полностью разрушили два трактира, кои держали ирландцы в защиту одного из оных на Брик-лейн открыли стрельбу, один молодой человек был убит, 7 или 8 ранены. А поскольку ни судьи, ни констебли, ни хорошо обученный наряд усмирить восставших не смогли, вызваны были отряды кавалерии и пехоты, после чего (а также после заключения были 7 континиантов в тюрьму) восставшие утихомирившись. Похолоде беспорядки случились несколькими днями раньше в Дарфорде, графство Кент, по тому же поводу; толпу удалось утихомирить, только когда ирландские работники были уволены, а задержанные бунтовщики выпущены из тюрьмы.

Суббота, июля 31-го дня

В «Дейли адвентайзер» от 28 июля Джонсуа Уорд, эсквайр, перечисляет с милостивого разрешения королевы 7 случаев чудесного исцеления лиц, коих он лечил в кои были осмотрены в присутствии Ее Величества 7 июня. Возражения по сему поводу напечатаны были в «Грэг-стрит джурнал» от 24 июля. Однако внимание публики было несколько отвлечено от чудотворного г-на Уорда некоей страшноужасной целительницей, кои называет себя Безушной Салли и ныне находится в Дисоме; эта особа совершила, ко всеобщему восхищению, несколько исцелений посредством вращеня костей и настолько обнадежила публику, что город предлоказ ей 100 гиней, если она проделает там свою практику в течение года.

Рождения, июля 1736

- 10. Супруга Джорджа Венабля Вернона из Личфилда, эсквайра, разрешилась дочерью.
- 26. Графиня Деторен, супруга Уильяма Уиндхэма, эсквайра, — сыном.
- 30. Супруга Томаса Аршера из Уоррика, эсквайра, — сыном.

В дверях судебной канцелярии оперся на трость человек в сизом сюртуке и умеренно цветастом жилете, обтягивающем заметное брюшко; визитер примечателен густыми бровями, бородавкой возле носа и нарочитой импозантностью. Вдоль одной стены облицованной деревом комнаты выстроились шкафы, набитые пухлыми папками и пергаментными свитками; здесь же табурет и высокая конторка со стопкой бумаг и аккуратно выложенными письменными принадлежностями. Супротив сияет мрамором холодный камин, на полке которого бюст Цицерона и два не зажженных серебряных канделябра. Теплый утренний покой комнаты пронизан солнышком из южных окон, за коими виднеются еще зеленые кроны. Сквозь опущенные рамы чуть слышны мелодичные выкрики торговки уже поспевшей грушовкой, но в самой комнате висит тишина.

Одетый во все черное, плюгавый человек в парике сидит за круглым столом в дальнем углу комнаты; он углублен в чтение бумаг и даже не поднимает головы. Визитер оборачивается, взглядом ища своего таинственно сгинувшего провожатого, после чего громко откашливается, привлекая внимание нерасторопного копуши. Наконец человек за столом отрывается от бумаг. Старше и щедрее посетителя, сложением он напоминает Александра Попа или Вольтера. Демонстрируя учтивость, визитер приподнимает шляпу и отвешивает легкий поклон:

– Имею ль честь говорить с мистером Аскью? Фрэнсис Лейси, сэр, к вашим услугам.

Как ни странно, коротышка не отвечает любезностью, но, отложив бумаги, лишь скрепчивает руки на груди, откидывается на спинку высокого кресла, в котором выглядит почти гномом, и слегка наклоняет голову, точно дрозд, готовый клонуть жучка. В немигающих серых глазах его искрится насмешка. Несколько обескураженный подобным приемом, мистер Фрэнсис Лейси списывает его на забывчивость крючкотвора, не понимающего, кто перед ним.

– Трагик, сэр. Приглашен на встречу с вашим клиентом.

Наконец стряпчий размыкает уста:

– Садитесь.

– Благодарю, сэр.

Вновь обретя апломб, актер вышагивает к столу, но громко хлопнувшая дверь заставляет его обернуться, прежде чем он успевает сесть. Долговязый клерк, чье черное платье делает его похожим на цаплю, переодевшуюся вороной, с фолиантом в кожаном переплете под мышкой безмолвно приваливается к косяку. Неподвижный взгляд его еще более насмешлив. Лейси смотрит на коротышку, но тот лишь повторяет:

– Садитесь.

Откинув фрачные фалды, актер усаживается. Вновь повисает неуютное молчание; стряпчий не сводит глаз с Лейси, который, поерзав, из жилетного кармана достает серебряную табакерку:

– Не угодно ль, сэр? Отменный табачок.

Аскью качает головой.

– Ну а я с вашего позволения...

Из ложбинки меж большим и указательным пальцами левой руки поочередно нюхнув щепотки табаку, Лейси защелкивает табакерку и кружевным платком подтирает нос.

– Моего совета жаждет клиент, коего потянуло к драматическому искусству?

– Да.

– Что ж, выбор его удачен, хотя сие скромно сказано. С моим опытом мало кто потягнется, что признают даже злоязыкие завистники. – Лейси ждет учливой реплики партнера, но тот молчит. – Позвольте узнать, кто муза вашего протезе: озорная Талия или скорбная Мельпомена?

– Терпсихора.

– Виноват?

– Муза танца, верно?

– Боюсь, произошла ошибка, сэр. Я не обучаю танцам. За уроками пантомимы обратитесь к моему приятелю мистеру Ричу.

– Никакой ошибки.

Лейси приосанивается:

– Я актер, сэр. Об моем таланте наслышаны все столичные знатоки театра.

Не расплетая рук, стряпчий одаривает его язвительной усмешкой:

– А вскоре услышат и знатоки Тайберна. Мой клиент написал для вас пьеску, дружище, под названием «Ступени и веревка, или Дрыги-дрыг-опаньки». На эшафоте вы спляшете джигу в петле Джека Кетча.

Лейси ошарашен, но через секунду вскидывает голову, опираясь на оставленную трость.

– Изволили неудачно пошутить, сэръ?

Сморчок встает и, опершись о стол, нависает над жертвой:

– Никаких шуток... мистер Браун. Ей-богу, никаких, шельма ты окаянная!

Взгляд его испепеляет опешившего актера.

– Меня зовут... – мямлит Лейси.

– Четыре месяца назад в графстве Девон вы представлялись Брауном. Станете отрицать?

Актер отводит глаза.

– Сие уж слишком, сэръ. Я ухожу.

Он встает и направляется к двери. Из взгляда клерка исчезла всякая веселость; верзила не двигается с места и лишь выставляет перед собой фолиант, на кожаной обложке которого оттиснут крест.

– Вы разоблачены, милсдарь! – верещит стряпчий; Лейси надувает грудь. – Не утруждайтесь, ваши штучки меня не проймут! Еще недавно комедиантов прилюдно пороли! Слезайте-ка с котурнов! Здесь дом закона, а не балаган, в коем толпа олухов трепещет перед фанфароном в аляповатой короне. Ясно ль я излагаю?

Актер вновь отводит глаза и тоскливо смотрит на зеленую листву за окном. Пауза. Наконец взгляд его возвращается к стряпчему:

– На каком основанье изволите так говорить со мной?

Не спуская глаз с актера, Аскью вытягивает сухонькую руку и отсчитывает основания, выкидывая пальцы:

– Первое. Я навел справки: в означенное время вас не было в Лондоне. Второе. Я прошел по вашим запутанным следам. Третье. Имеются взятые под присягой точные показанья об вашей наружности – вплоть до нароста, что украшает вашу правую ноздрю. Мой помощник, что стоит за вашей спиной, переговорил с тем, кто в означенное время по какой-то надобности заглянул к вам на квартиру, но был извещен об вашей отлучке по личному делу в западные графства. И кто ж его известил? Разумеется, не кто иной, как ваша супружница. Бабонька не уступит вам в лживости, а?

– Не отрицаю, мне случилось отъехать в Эксетер.

– Лжете.

– Можете проверить. Справьтесь в гостинице, что возле собора.

– Что за личное дело?

– Наклевывался ангажемент... да не вышло...

– Хватит болтать, Лейси, я еще не закончил. Слугу вашего изображал некто Фартинг – не стоящий сего прозванья валлиец. В компании вашей была и девица – некая Луиза, выдававшая себя за служанку. Прячете глаза, сэръ? Что ж, самое время, ибо дальше – хуже. Вашему поддельному племяннику мистеру Бартоломью прислуживал глухонемой. Так вот он не исчез, сэръ, но обнаружен мертвым. Сильно подозренье, что дело не обошлось только оным гнусным злодеяньем, кое совершил доселе неведомый, а теперь известный убийца, стоящий передо мной.

Впервые взгляд актера полон безыскусной растерянности:

– Как... мертвым?

Стряпчий медленно опускается в кресло. Какое-то время молчит, разглядывая собеседника, потом сводит кончики пальцев и уже менее властно произносит:

– А вам-то что, сэръ? Ведь об ту пору вы искали ангажемента в Эксетере?

Актер безмолвствует.

– А весь март и апрель, окромя Страстной недели, в театре Хеймаркет исполняли заглавную роль в новой дерзкой сатире под названьем «Пасквин», кою накропал отъявленный мерзавец, некто Филдинг?

– Сие всем известно. На спектакле перебивал весь Лондон.

– У вас большая роль Фастиана, не так ли?

– Да.

– Говорят, постановка имела бешеный успех, какой в нынешние святотатственные времена сопутствует всякому бесстыдному глумлению над законом. Сколько раз прошел спектакль до Пасхальной недели, начавшейся семнадцатого апреля?

– Не помню. Раз тридцать.

– Тридцать пять, сэр. Дольше продержалась лишь его ровня в наглости «Опера нищего», верно?

– Возможно.

– Как, вы не знаете? Иль не участвовали в пьеске, что игралась семь-восемь лет назад?

– Я взялся за маленькую роль, чтоб доставить удовольствие мистеру Гею, с кем имел честь приятельствовать.

– Да уж, честь! Не почетно ль исполнить роль, где один из достойнейших сынов нации и, кроме того, ее главный министр выведен разбойником? Не вы ль в образе Робина Мошны представили чрезвычайно злобную и неприличную карикатуру на сэра Роберта Уолпола? И женушка ваша хороша – не сомневаюсь, ей не составило труда в той же пьеске воплотить бесстыжую Долли Давалку!

– С негодованием отвергаю вашу последнюю реплику, сэр! Моя жена...

– К бесу ее! Про вас все известно, сэр. Например, то, что по возобновлению спектаклей двадцать шестого апреля вы загадочно исчезли, а ваша расчудесная роль досталась некоему Топэму. Что, не так? Мне доподлинно известен и ваш надуманный повод для расторженья контракта. Кто поверит, что ради мифического ангажемента в Эксетере вы расстались с гвоздем сезона, в коем имели недурственную долю? Вас с потрохами купили, Лейси, и я даже знаю кто.

Актер сник, голова его опущена, от былой авантюжности не осталось и следа.

– Клянусь, я не совершал никакого преступления и ничего не знаю об том... что вы сказали.

– Но вы ж не станете отрицать, что некий мистер Бартоломью нанял вас для сопровождения его в поездке по западным графствам, состоявшейся в последнюю неделю апреля?

– Я хочу знать, какой у меня выбор.

Помолчав, стряпчий отвечает:

– Что ж, я вас просвещу. Станете упорствовать – прямиком отправитесь в Ньюгейтскую тюрьму, где вас закуют в железо и для дальнейшего следствия препроводят в Девон. Признаете справедливость моих слов, дадите показанья под присягой – тогда поглядим. Решит тот, чью волю я исполняю. Достаточно ему кивнуть, и вы обратитесь в прах. – Аскью вскидывает палец. – Попомните, я должен знать все до последней крохи. Иначе вас сотрут в порошок. Вы проклянете день, когда родились.

Глядя в пол, актер тяжело опускается на стул и качает головой.

– Итак, сэр?

– Меня ошельмовали, чудовищно ошельмовали. Я полагал, что участвую в безобидной, достойной сочувствия затее. – Лейси поднимает голову. – Перед вами честный человек, кто ежели в чем и виновен, то лишь в глупой доверчивости, но никак не в злом умысле иль проступке. Умоляю мне верить.

– Избавьте от ваших молений, сэр. Я верю только фактам.

– Вы несправедливы к достойной миссис Лейси. Она совершенно ни при чем.

– Я разберусь.

– Поспрошайте обо мне, сэр, я человек известный. Был коротко знаком с мистером Геом, его покровительницей герцогиней Квинсберри и ее вельможным супругом. Имел честь пользоваться расположением генерала Чарльза Черчилля, с ним мы встречались на Гроувенор-стрит, когда была жива миссис Олдфилд. Меня знают мистер Рич из Гудменз-Филдз, поэт-лауреат

мистер Сиббер, мистер Квин и добродетельная миссис Брейсгердл. Вам всякий скажет, я не позорю актерство, как иные штукари.

Стряпчий молчит.

– Скажите, я прогневил важную персону?

Ответом – пристальный взгляд.

– Так я и думал. Знать бы, где упасть...

Молчание.

– Что я должен делать?

– Принесите клятву и рассказывайте, ничего не утаивая. Все с самого начала.

Историческая хроника, 1736

А В Г У С Т

Воскресенье, августа 1-го дня

Первое возмущение наблюдалось в Саутваре, Ланбет и на Тайберн-роуд, где восставшие učinяли людям депрос, за англичан они или за ирландцев, однако никакого насилия совершенно не было; несколько отрядов конных гренадеров разогнали толпу, собиравшуюся было на Ратклифской дороге с тем, чтобы громить дома ирландцев.

Понедельник, августа 2-го дня

Первый камень заложен был в основание нового здания больницы Святого Варфоломея на 12-м номере; размеры он будет иметь те же, что и первая часть, уже выстроенная из батекого камня, позже добавлены будут еще два здания на восточной и западной сторонах. На глубине 20 футов рабочие обнаружили 60 или 70 старых серебряных монет достоинством в три пенса. Необычайное дело рассматривалось в суде ассизов в Харфорде, где истец обвинял ответчика (оба господа состоятельные) в том, что ответчик совратил его дочь и прижал с ней ребенка, обещая жениться. Специальное жюри присяжных определило выплатить ей 150 фунтов, дабы возместить ущерб, и распорядилось, чтобы она сама вчинила иск на основании брачного контракта.

Четверг, августа 5-го дня

Громкое дело рассматривалось в Челмсфорде, Эссекс, между истцом сэром Джоном Эйлсом, баронетом, и ответчиком Джоном Смартом, егерем достопочт. Эд-

ли таковые поступят в ближайшие два месяца и послужат к выгоде компании. Решено было также, что все вопросы, относящиеся до исключений от короля Непани претензии на четверть прибыли, получаемой от ежегодно посылаемого судна, как и до установления стоимости доллара, выносить на рассмотрение совета директоров и затем оное рассмотрение откладывать. Четверо злодеев повешены были в Тайберне, поименно: Томас Миллз и С. Филдс за кражу лошади; Джон Максверт, он же Парламентер, за кражу со взломом; Джон Келси за грабеж почтовой кареты из Систеры. Миллз прямо перед повешением заявил, что неповинен в случившемся. Рикетсу, Моррису и Пritchарду (см. с. 422 А) смертная казнь заменена высылкой в колонии на 14 лет.

Четверг, августа 11-го дня

Пожар, случившийся в деревне Пизмор в Беркшире, в считанные часы уничтожил целую улицу, ведущую от церкви к Апдсли-маркет; ущерб исчисляется несколькими тысячами фунтов.

Понедельник, августа 16-го дня

Г-н Никсон, перисидевавший священник из графства Норфолк, заключен в Ньюгейтскую тюрьму по решению государственных секретарей и обвинен на основании собственного его заявления, что является автором скандального пасквиля, распространенного в Королевской бирже. В одной из общественных газет находим следующий отчет о событиях: Доктор Гэйлард, печатник, один из сотрудников Райнера, уже заключавшийся в тюрьму по делу о журнале Миста, сообщил под присягой, что он совместно с неким Кларком (еще одним печатником, до сей поры не пойманным) действительно составил по написанному г-ном Ник-

варда Картерета, осквайра. Ответчик обвинялся в том, что застрелил 3 охотничьих собак. В свое оправдание ответчик заявил, что собаки гнали оленей в парке его хозяина и едва не довели некоторых из них до смерти; что не преступным намерением стрелял он в собак, а ради сохранения упомянутых оленей; что, по всей видимости, судье показалось совершенно законным; однако присяжные (из коих все были богатыми господами), сославшись на охотничьи законы, вынесли приговор в пользу истца и обязали его выплатить полторы гинны возмещения за ущерб. Судья же объявил, что в случае подачи прошения о повторном рассмотрении дела он будет свидетельствовать на стороне ответчика.

В понедельник, августа 7-го дня,

у лорд-канцлера в Линкольн-инне состоялось слушание громкого дела между «Компанией Южных морей» и одним из ее фрахтователей, в ходе коего Его Светлость вынесли определение всецело в пользу компании.

В среду, августа 10-го дня,

состоялось общее собрание в «Компании Южных морей», тогда заместитель председателя правления и сообщил собранию, что директора так и не получили никаких новых предложений касательно торговли неграми, откуна или иных ответов от мадридского двора. После дебатов решено было уполномочить директоров принимать к исполнению предложения об осуществлении торговли неграми, ес-

Вторник, августа 17-го дня

В Херефорде суд ассизов рассматривал дело о полномочиях кардифского бейлифа назначать представителей в парламент; в совете рьяно доказывали правоту обеих сторон, однако присяжные, даже не выходя из зала, вынесли приговор в пользу бейлифа.

Четверг, августа 19-го дня

На суде ассизов в Бристоль некий Вернон, судима другими обвиненный в краже со взломом, настаивая на своем праве быть допущенным в суд в роли свидетеля, говорить отказался; однако, когда снова был заключен в тиски, решил лучше предстать перед судом, а как только приговор был ему вынесен, вскричал: «Черт побери, свою жизнь я и в полпенни не ставлю!»

Пятница, августа 20-го дня

Дублинские пекари, недовольные хлебной нормой в 15 <пенсов> за 14 фунтов вымечки из грубой муки, коя была установлена лорд-мэром, три дня совсем отказывались печь, что навлекло отчаянные бедствия на малоимущих горожан; одним пришлось перейти на картошку, другие же стали покупать муку, чтобы печь самостоятельно, и нашли снегостойким, хоть пекари и полагали свою прибыль ничтожною. Когда же церковные

старости пригрозили, что станут преследовать их как лиц без определенного занятия, пекари вернулись к работе.

Понедельник, августа 23-го дня

В Будхэме близ Ларвингфорда в Норфолке сгорела дотла церковь.

Вторник, августа 24-го дня

Свет не выдал борона жирнее, чем тот, которого назвали сегодня в канаве Флат при впадении ее в Темзу. Принадлежит он, как выяснилось, мяснику, проживающему близ мясных лавок в Смитфилде, от когo бежал тому как пять месяцев и все это время провел, похоже, в восточной яме, отчето цена его возросла с 10 шиллингов до 2 гиней.

Среда, августа 25-го дня

Два примечательных дела слушали в Рочестере: по одному обвиняла человека в изнасиловании женщины старше 60 лет, по другому же судили солдата, намеревавшегося излечить мальчика от лихорадки; думая изгнать ее посредством испуга, решил он вынуть из уха ириво у мальчика над головой, но прицелился слишком низко и разможил ему голову. Насильника приговорили, солдата же оправдали.

Четверг, августа 26-го дня

Приняв нижайшее ходатайство магистратов и жителей Эдинбурга, Ее Величество милостиво отложило казнь капитана Портеуса на 6 недель. (См. с. 422.)

Вторник, августа 31-го дня

Не счесть, сколько людей излечила коstopравица в Энсоне (см. с. 442): повязки она накладывает с исключительной

ловкостью и мастерством вправлении вывихов и вставления сломанных костей обладает изумительным. Она излечила людей, более 20 лет пребывавших в неподвижности, и принесла невиданное облегчение даже в самых трудных случаях. Хромые шли к ней ежедневно, и денег она заработала немало; присутствовавшие при ее операциях люди состоятельные преподносили ей подарки. Оказывается, отец ее — некий Уоллин, костоправ из Уилта. Заработанными деньгами обеспечила она себе мужа, однако же прожил он с ней не более двух недель, после чего исчез, прихватив с собой 100 гиней.

В этом месяце парламент Парижа присудил состояние мадемуазель де Виньи, коя прожила 50 лет, не аная, где искать своих родителей. Дело же было так.

Монсеиор Ферран, председатель одной из судебных палат в Париже, будучи женатым много лет, не имел потомства; наконец жена его понесла, у престарелого джентльмена это вызвало беспокойство: он, казалось, был уверен, что отцом ребенка является другой. Сразу после рождения приказал он забрать ребенка из дому; повитуха понесла ребенка в церковь крестить, но когда стали спорить, под каким именем должно его записать, монсеиор Ферран заявил протест и своего имени ребенку не дал, так что в книге поставили прочерк, каковой и оставался там до самого дня суда. Девочку отдали простой кормилице, мать время от времени помогала ей, но никогда не навещала; так она и не узнала своих родителей, пока ее не разыскала повитуха и не подтвердила личными своими свидетельствами вышеописанных обстоятельств.

Решилась также и крупная тяжба между герцогом Ришелье и графом де Верту о состоянии в 50 000 крон *per annum*, каковая находилась на рассмотрении парламента 80 лет.

Показанья Фрэнсиса Лейси, под присягой взятые на допросе августа двадцать третьего дня в десятый год правленья монарха нашего Георга Второго, милостью Божьей короля Великобритании, Англии и прочая

Меня зовут Фрэнсис Лейси. Проживаю на Харт-стрит, квартира моя возле сада, через два дома от «Летящего ангела». Мне пятьдесят один год. Родился в Лондоне, в приходе Сент-Джайлз. Я актер, внук Джона Лейси — фаворита короля Карла.

В: Прежде всего ответьте: вы знали, что мистер Бартоломью — вымышленное имя?

О: Знал.

В: Вам известно, кто под ним скрывался?

О: По сию пору не ведаю.

В: Когда последний раз видели сего джентльмена?

О: Первого мая.

В: Знаете, где он сейчас?

О: Нет.

В: Вы под присягой.

О: Клятвенно заверяю.

В: Вы утверждаете, что с того дня его не видели, не имели с ним сношений и через каких-либо посредников не получали от него вестей?

О: Чем угодно клянусь, Господь свидетель.

В: То же самое спрошу касательно двух попутчиков — вашего слуги и горничной: что об них знаете?

О: С того дня про них слыхом не слыхивал. Поверьте, сэра, все так запутано, однако дозвольте объяснить...

В: В свое время. Стало быть, вы не знаете, где сейчас те двое?

О: Нет, и до сегодняшнего дня ни сном ни духом не ведал об смерти глухонемого. Можно ль спросить?..

В: Нельзя. Пощади вас Господь, коли лжете.

О: Разрази меня гром, ежели слукавлю.

В: Хорошо. Однако напоминаю, что неведение не смягчает проступка. Вы соучастник злодеянья. Теперь хочу услышать все с самого начала.

О: История странная, сэра. Наверное, я свалил дурака, но, в свое оправданье, поведаю об том, чем дело выглядело, а не чем обернулось.

В: Что ж, извольте. Приступайте.

О: Случилось то в середине апреля. Как вы знаете, в пьесе юного мистера Филдинга «Пасквин» я играл Фастиана – роль, в коей, отдам себе должное...

В: После разочтетесь. К сути.

О: В том-то и суть, сэра, что пьеса имела весьма благожелательный прием, а мое исполнение было особо отмечено. Как-то утром незадолго до Пасхи ко мне на Харт-стрит явился слуга, кто принес письмо своего хозяина, подписанное «Поклонник комедии». В конверт были вложены пять гиней. Автор письма просил принять их как знак восхищенья моей игрой, кою оценил изящными комплиментами.

В: Посланье сохранилось?

О: Лежит дома. Помню те выраженья... но сие несущественно.

В: Продолжайте.

О: Автор уверял, что трижды посещал спектакль единственно из удовольствия лицезреть мой талант. Далее говорилось, что он был бы чрезвычайно признателен, если б мы повидались, поскольку желательно обсудить обоюдно выгодное дело. Время и место предлагались, однако он был готов подладиться под меня.

В: Когда и где?

О: Назавтра, в кофейне Тревельяна.

В: Вы согласились?

О: Да, сэра. Не скрою, подарок впечатлил.

В: И вы учуяли запах денег.

О: Честных денег, сэра. Мои труды вознаграждаются не столь щедро, как ваши.

В: Вы не удивились? Ведь в вашей среде этакие позолоченные приглашенья чаще делают женщинам, не так ли?

О: Не удивился, сэра. Не все разделяют ваше низкое мнение об театре. Многие господа отнюдь не презирают наше общество и находят удовольствие в беседах об сценическом искусстве. Некоторые мечтают об драматургических лаврах и в осуществленья своих дерзновений не брезгают нашим советом и помощью. Я полагал, дело именно такого свойства. Уверяю вас, подобное мне не впервой. Я успешно переключиваю с французского на английский. Мой «Преображенный мещанин», переделанный из мольеровской вещицы, имел...

В: Ясно. Росций отправился на халтуру. Что потом?

О: Слуга, тот безъязыкий Дик, ждал у дверей кофейни. Меня препроводили в отдельный кабинет. Там я встретил мистера Бартоломью.

В: Так он представился?

О: Да, именно так.

В: Он был один?

О: Да, сэра. Мы сели, он повторил комплименты, сделанные в письме, потом стал расспрашивать об моей жизни и ролях, какие я играл.

В: Мол, он из тех знатоков, коих вы поминали?

О: Нет, без всякой претензии, сэра. Сказал, что в столице недавно, прежде театралом не был, увлекался иным.

В: Откуда он?

О: Из северных графств, сэра. Даже скорее из северо-восточных. Выговор у него йоркширский.

В: Что за иные увлечения?

О: Естественные науки. Дескать, после окончания университета искусствами особо не интересовался.

В: Об семье не обмолвился?

О: Сейчас скажу. Я вежливо осведомился, какого он роду, ибо уже много порассказал об себе. Господин этак поморщился и ответил, что он младший сын баронета, но не желает об том распространяться, поскольку мы подошли к более важной теме нашей беседы. Однако все, что потом он наговорил, оказалось ложью.

В: Рассказывайте по порядку.

О: Я б не хотел тратить ваше...

В: Насчет времени я сам рассужу. Говорите.

О: Начал он с «ежели да кабы», сэ. Позже я узнал, что сей господин частенько прибегает к этаким манерам. Да вы сами поймете. Так вот, он спросил, как я бы отнесся к тому, чтоб за достойное вознаграждение сыграть для него одного. Я интересуюсь: что за роль? Та, что я поручу, отвечает. Ага, вот в чем дело, думаю: он накропал пьеску и хочет, чтоб я ее продекларировал. Всегда, говорю, к вашим услугам. Чудесно, молвит он, но что, ежели представление состоится не здесь и займет пару-тройку дней иль больше? Занавес, говорит, надобно поднять в конце месяца, ибо я весьма ограничен временем. Мол, понимаю, говорит, есть ангажемент с Малым театром, но все хлопоты будут возмещены. Не скрою, я растерялся, особенно когда он спросил, сколько я там получаю. Я растолковал, как мы делим выручку – в среднем выходит пять гиней в неделю. Прелестно, говорит он, а затем интересуется, не унижат ли мой талант пять гиней в день, независимо от сбора. Я прям обомлел от этаким щедрости, ушам своим не поверил. «Извольте шутить?» – спрашиваю. Вовсе нет, отвечает. Я безмолвствую, а он продолжает: поскольку антреприза может занять около двух недель, связана с разъездами и прочими неудобствами, он готов прибавить еще тридцать гиней, округлив мой гонорар до ста монет. Мистер Аскью, я не настолько обеспечен, чтоб воротить нос от неслыханного предложения. За этакую сумму я б согласился без продыху пахать полгода, а тут – две недели. К тому ж я знал, что «Пасквин» почти, как мы говорим, отыгран – сборы падали, да и сезон завершался. Намедни я занемог, и мой приятель мистер Топэм меня подменил – довольно успешно, хоть...

В: Понятно, не устояли перед соблазном. Ближе к делу.

О: Вдобавок я решил, что речь идет об забаве, придуманной для родичей и соседей. Но вскоре понял, что ошибся. Я попросил его говорить подробнее. Ответ помню дословно, сэ. «Мне нужен, – сказал он, – серьезный, убедительный попутчик, изобразить коего столь характерному актеру не составит труда». Благодарствуйте за комплимент, отвечаю, однако теряюсь в догадках, зачем вам надобен этаким спутник. Тут он смешался и промолчал. Затем, будто в глубокой задумчивости, отошел к окну. Видимо, он решил сменить подход, ибо попросил извиненья за противные его натуре увертки – мол, не привык откровенничать с первым встречным. Я жажду встречи, от коей зависит моя жизнь, сказал он, но кое-кто мне препятствует, вынуждая придать поездке обманчивый флер. Но в помыслах моих, загорячился он, нет ничего недостойного иль бесчестного. Я, говорит, жертва неласковой судьбы и хочу, говорит, исправить сию несправедливость. Передаю слово в слово, сэ.

В: Что дале?

О: Натурально, я подивился. Так, стало быть, говорю, тут замешана дама, сердечная привязанность. В ответ он грустно улыбнулся. Дело не просто в амурах, говорит, я умираю от любви. И далее поведал об суровом упрямом отце, кто прочит ему в жены богатую соседку-помещицу, на чьи земли папенька положили глаз. Невеста десятью годами старше. К тому ж вековуха – самая страхолюдина во всей округе. Но будь она даже писаной красавицей, подчиниться родительской воле невозможно, ибо прошлым октябрем мистер Бартоломью шибко увлекся одной юной леди, в семействе дядюшки-опекуна посетившей Лондон.

В: Ее имя?

О: Не упоминалось. Расклад таков: девушка сирота и в будущем наследница поместья, а у дядюшки – сын-жених. Вы понимаете?

В: Вполне.

О: Откройте, что мистер Бартоломью полон нежных чувств и, паче того, ему отвечают взаимностью, дядю ничуть не обрадовало, и он немедленно отправил юную леди в свое корнуоллское имение.

В: Отрезав ее от мира?

О: Совершенно верно. Однако посредством горничной, девицыной confidentки, влюбленные установили тайную переписку. Разлука подогревает сердца, и пыл их только усилился. В отчаянье мистер Бартоломью во всем признался отцу, ища поддержки и одобренья. Однако сии нежные воздыханья не совпали с родительскими амбициями. Все кончилось бранью, ибо отец его не терпит ослушанья. Я передаю то, что слышал, мистер Аскью, опуская лишь цветистости и мелкие детали.

В: Продолжайте.

О: Стало быть, мистер Бартоломью, напрочь отвергнувший задуманный батюшкой альянс, был изгнан из родных пенатов и отчего дома, получив приказ не ворочаться, доколе не остудит свой нрав и не вспомнит об сыновнем долге. Вдогонку прозвучало: коль не одумается, может похерить мечты об наследстве. Распаленный любовью и несправедливостью в отношении своей дамы сердца, не столь богатой, как папенькина избранница, однако ж вполне состоятельной, родовитой и в иных прелестях бесконечно ту превосходящей, мистер Бартоломью помчался в Лондон, решив поездкой на Запад форсировать события.

В: Когда сие происходило?

О: Месяцем ранее. Он особо не размышлял, для чего едет, зная одно: кровь из носу, надо увидиться с возлюбленной и заверить ее, что ему омерзительно батюшкино сватовство, что никогда и ничто не изгонит ее из его сердца...

В: Избавьте меня от телячьих нежностей.

О: Слушаюсь. Добравшись на место, он понял, что его неведомо как опередили – возможно, перехватив письмо. Мистер Бартоломью признался, что в Лондоне был неосторожен в беседах с друзьями и, видимо, слухи о его планах достигли недоброжелательских ушей. К тому ж путешествовал он под своим именем и большей частью дилижансом, так что весть об его приезде вполне могла его опередить. Как бы то ни было, дом он нашел пустым, и никто не ведал, куда направилось семейство, – только видели, что накануне оно отбыло в большой спешке. Страдалец напрасно томился целую неделю. Розыски его ни к чему не привели – видимо, дядюшка держал округу в узде. С тем он и вернулся в Лондон, где его ждало письмо от юной леди, без прикрас извещавшей, что отъезд состоялся против ее воли, а взбеленившийся дядя использует все имеющиеся средства, дабы понудить ее к замужеству с кузеном, на коего вся надежда, ибо тот, хоть влюблен в нее, не желает действовать силком. Однако вряд ли он с собою совладеет, ибо его устремленья и батюшкины желанья сходятся в одной точке. Еще сообщалось, что горничную, служившую им почтальоном, уволили и теперь ей, девице, одной-одинешеньке, не с кем поделиться своим отчаяньем.

В: Предлог ясен. Переходите к делу.

О: Мистер Бартоломью узнал, что семейство вернулось в имение, и вознамерился снова туда поехать. Однако на сей раз тайком. Посему друзьям он говорил, что будто бы оставил мечты об юной леди и смирился с батюшкиным решением. Но весьма опасался, что сей слух дойдет до дяди, а через него – до барышни, кто сочтет его правдой. Оттого-то следует поспешать, но ехать под чужим именем и со спутником, будто – наверное, вы уже знаете, сэр, – совсем по иной надобности. Вот в чем изюмина.

В: Facile credimus quod volumus. Похоже, вы заглотнули сию чушь собачью?

О: Признаюсь, мне польстило его доверье. В речах его слышалась искренность. Ежели б я заподозрил в нем обманщика, этакого опытного волокиту... Уверяю, сэр, таковым он не выглядел.

В: Ладно. Дальше.

О: Я ему посочувствовал, но сказал, что ни за какие коврижки не дам увлечь себя в преступный умысел. И еще: ежели дело выгорит, я предвижу весьма неприятные последствия.

В: Что он ответил?

О: Мол, со временем отец его простит, ибо до нынешней размолвки меж ними существовала довольно-таки крепкая привязанность. Что касаясь дядюшки, он должен понимать, какой скандал разразится, ежели станет известно об его эгоистических целях и жестокости к племяннице. Когда девушка сбежит из-под его крова, он взъярится, но не посмеет дать делу огласку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.